

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> приятного чтения!

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Павлин Павлиныч Курослепов, именитый купец.

Матрена Харитоновна, жена его.

Параша, дочь его от первой жены.

Наркис, приказчик Курослепова (по дому).

Гаврило, приказчик (по лавке).

Вася Шустрый, сын недавно разорившегося купца.

Девушка.

Силан, дальний родственник Курослепова, живет в дворниках.

Двор: направо от зрителей крыльцо хозяйского дома, рядом дверь в комнату, где живут приказчики; налево флигелек, перед ним звено забора, перед флигелем кусты, большое дерево, стол и скамья, на заднем плане ворота.

Летний вечер, восьмой час.

действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гаврило (сидит на скамье с гитарой), Силан (с метлой стоит подле).

Силан. Слышал ты, пропажа-то у нас?

Гаврило. Слышал.

Силан. Вот она где у меня сидит, пропажа эта. По этому случаю, теперь, братцы мои – господа приказчики, у меня чтоб аккуратно: в девятом часу чтоб дома, и ворота на запор. А уж это, чтоб по ночам через забор лазить, – уж это заведение надо вам бросить; а то сейчас за ворот, да к хозяину.

Гаврило. Чудак ты человек, да коли нужно.

Силан. Мое дело: было б сказано, а там, как знаете! Я теперь необнаковенно зол, вот как зол, беда!

Гаврило брэнчит на гитаре. Силан молча смотрит ему на руки. Доходишь?

Гаврило. Дохожу помаленьку. (Поет и аккомпанирует себе):

Ни папаши, ни мамыши,
Дома нету никого,
Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно.
Силан. Песня важная.

Гаврило. Песня расчудесная, в какой хочешь компании пой; только вот перебор... смотри хорошенько! Видишь? не выходит, да и на поди!

Силан. Я так полагаю, друг любезный, тебе это самое занятие лучше бросить.

Гаврило. Зачем же мне его бросать, дядюшка Силантий? Что я труда положил, ты то подумай!

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Силан. Много тебе муки мученицкой за него.

Гаврило. Мука-то ничего, а убытку много, это верно; потому гитара струмент ломкий.

Силан. Ежели ее с маху да об печку, тут ей и конец.

Гаврило. Конец, братец ты мой, конец, плакали денежки.

Силан. Об печку? А? Придумал же хозяин экую штуку; как увидит эту самую гитару и сейчас ее об печку! Чудно!

Гаврило (со вздохом). Не все об печку, дядюшка Силантий, две об голову мою расшиб.

Силан. И довольно это, должно быть, смешно; потому гул по всему дому.

Гаврило. Кому смешно, а мне...

Силан. Больно? Само собой, если краем...

Гаврило. Ну, хоть и не краем... Да уж я за этим не гонюсь, голова-то у меня своя, не купленная; а за гитары-то я деньги плачу.

Силам. И то правда. Голова-то поболит, поболит, да и заживет; а гитару-то уж не вылечишь.

Гаврило. А что, не убираться ли мне! Как бы хозяин не увидел.

Силан. Нет! Где! Он спит по обнаковению. Ночь спит, день спит; заспался совсем, уж никакого понятия нету, ни к чему; под носом у себя не видит. Спросонков-то, что наяву с ним было, что во сне видит, все это вместе путает; и разговор станет у него не явственный, только мычит; ну, а потом обойдется, ничего.

Гаврило (громко поет):

Ни папаши, ни мамыши,
Дома нету никого,
Курослепов выходит на крыльцо.

Силан. Постой-ка! Никак вышел! И то! Уходи от греха! Или стой! Притулись тут; он дальше крыльца не пойдет, потому ленив.

Гаврило прячется.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Курослепов и Силан.

Курослепов (садится на крыльцо и несколько времени зевает). И с чего это небо валилось? Так вот и валится, так вот и валится. Или это мне во сне, что ль? Вот угадай поди, что такое теперь на свете, утро или вечер? И никого, прах их... Матрена! Ни дома, ни на дворе, чтоб им!... Матрена! Вот как оно страшно, когда не знаешь, что на свете... Жутко как-то. И сон это я видел али что? Дров будто много наготовлено и мурины. Для чего, говорю, дрова? Говорят: грешников поджаривать. Неужто ж это я в аде? Да куда ж это все провалились? И какой это на меня страх сегодня! А ведь небо-то никак опять валится? И то валится... Батюшки! А теперь вот искры. И что, ежели вдруг теперь светопреставление! Ничего мудреного нет! Оченно это все может случиться, потому... вот смолой откуда-то запахло и пел кто-то диким голосом и звук струнный или трубный, что ли... Не поймешь.

Бьют часы городские.

Раз, два, три, четыре, пять (считает, не слушая), шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Часы, пробив восемь, перестают.

Только? Пятнадцать!... Боже мой, боже мой! Дожили! Пятнадцать! До чего дожили! Пятнадцать. Да еще мало по грехам нашим! Еще то ли будет! Ежели пойти выпить для всякого случая? Да, говорят, в таком разе хуже, а надо чтобы человек с чистой совестью... (Кричит.) Силантий, эй!...

Силан. Не кричи, слышу.

Курослепов. Где ты пропадаешь? Этакое дело начинается...

Силан. Нигде не пропадаю, тут стою, тут, тебя берегу.

Курослепов. Слышал часы?

Силан. Ну, так что ж?

Курослепов. То-то, мол! Живы еще все покудова?

Силан. Кто?

Курослепов. Домочадцы и все православные христиане?

Силан. Ты очувствуйся! Умойся поди!

Курослепов. Источники водные еще не иссяклись?

Силан. Нет. С чего им?

Курослепов. А где же теперь жена?

Силан. В гости ушла.

Курослепов. Вот этакий теперь случай; она должна при муже.

Силан. Ну, уж это ее дело.

Курослепов. Какие гости! Нашла время! Страх этакий.

Силан. Какой?

Курослепов. Всем в услышание пятнадцать-то часов било.

Силан. Ну, пятнадцать, не пятнадцать, а девятый час это точно... ужинать теперь бы самое время, да опять спать.

Курослепов. Ты говоришь, ужинать?

Силан. Да, уж это беспрременно. Уж ежели что положение, без того нельзя.

Курослепов. Так это, значит, мы вечером?

Силан. Вечером.

Курослепов. И все, как бывает завсегда? Ничего такого?

Силан. Да чему же?

Курослепов. А я было как испугался! Мало ли я тут, сидя, чего передумал. Представилось мне, что последний конец начинается. Да ведь и то сказать, долго ли.

Силан. Что толковать.

Курослепов. В соборе отошли?

Силан. Сейчас только.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Курослепов (запеваёт). Но, яко... Ты ворота запер?

Силан. Запер.

Курослепов. Пойти посмотреть за тобой.

Силан. Пройдись малость, лучше тебе...

Курослепов. Да, «пройдись малость!» Все твое несмотрение. Везде свой глаз нужен. У меня две тысячи рублей пропало. Шутка! Наживи поди!

Силан. А ты спи больше, так и всего обворуют.

Курослепов. Вам разве хозяйского жаль! Еще я с тобой... погоди.

Силан. Ну да, как же! Испугался! С меня взять нечего. Я свое дело делаю, я всю ночь хожу, опять же собаки... Я хоть к присяге. Не токма что вор, муха-то не пролетит, кажется. У тебя где были деньги-то?

Курослепов. Не успел я в сундук-то убрать, под подушкой были, в чулки спрятаны.

Силам. Ну, кому же возможно, сам посуди! В чулки прячешь, – так вот ты чулки-то и допроси хорошенько!

Курослепов. Рассказывай. А вот взять тебя за волосы, да, как бабы белье полощут...

Силан. Руки коротки!

Курослепов. Опять же вина не наготовишься, целыми бутылками пропадает.

Силан. С того ищи, кто пьет, а меня бог миловал.

Курослепов. Кто бы это украл?

Силам. Диковина!

Курослепов. Уж, кажется, кабы...

Силам. Ну, да уж и я бы...

Курослепов (нараспев). Но, яко... Так ужинать ты говоришь?

Силан. Одно дело.

Курослепов. Пойти приказать.

Силан. А что ж ворота?

Курослепов. После. Ты у меня... (Грозит.) Слушай! Я, брат, ведь нужды нет, что ты дядя. А у меня, чтоб всё, двери, замки, чтоб все цело! Пуще глазу, как зеницу ока, береги. Мне из-за вас не разориться.

Силан. Ну, да уж и довольно! Сказано, и будет.

Курослепов. Где приказчики?

Силан. А кто их знает.

Курослепов. Ежели которого нет, не отпирай, пусть за воротами ночует; только хозяйку пусти. А ежели посторонних кого к ним, хоть знакомый-раззнакомый, ни под каким видом. У меня тоже дочь невеста. (Уходит в дом.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Силан, Гаврило и потом Вася шустрый.

Силан (подходит к Гавриле). Вылезай, ничего!

Гаврило. Ушел?

Силан. Ушел. Вот теперь поужинает, да опять спать. А отчего это он спит так? Оттого, что капитал! А ты вот тут майся всю ночь. Награбил денег, а я ему их стереги! Две тысячи рублей! Легко сказать! От твоего, говорит, несмотрения! Каково мне на старости лет попреки слушать! Уж, кажется, кабы мне этого вора! уж я б ему!... То есть, кажется, зубами бы загрыз! Ну, вот покажись теперь, вот так метлой прямо ему... (Увидав Васю, который показывается на заборе.) Постой, постой! Вот он! погоди, дай ему с забора-то слезть. (Бросается на него с метлой.) Караул!

Вася. Что ты, что ты! Не кричи, я свой!

Силан (ухватив его за ворот). И то, никак, свой! О, чтоб тебя! Перепугал. Ты зачем же через забор-то? Кара...

Вася. Не кричи, сделай милость. Я к вам посидеть, больно скучно дома-то.

Силан. Коли ты к нам честью, на то есть ворота.

Вася. Ворота заперты, а стучать – пожалуй, хозяин услышит.

Силан (держит его за ворот). А где ж это показано, чтоб через забор? Ка... ка...

Вася. Сделай такую милость! Ведь ты меня знаешь; разве я в первый раз?

Силан. Знаю я, что ты и прежде через забор лазил, да раз на раз не приходит; прежде взыску не было, а теперь вон две тысячи рублей пропало. Вот оно что значит вас баловать!

Вася. Ведь не я украл, ты сам знаешь, какое ж мне до этого дело!

Силан (трясет его за ворот). Тебе нет дела! – Тебе нет дела! Стало быть, я один за всех отвечаю! Вам никому нет дела. Все я! Вот ты у меня теперь запоешь! Караул!

Гаврило. Да полно ты его мытарить-то.

Силан (Васе). Кланяйся в ноги!

Вася кланяется.

Вот так! (Берет его за ворот.)

Вася. Зачем же ты меня опять за ворот-то взял?

Силан. Для всякой осторожности. Что, отец здоров?

Вася. Слава богу!

Силан. Знаю ведь я, зачем ты пришел; да нет ее дома, в гости ушла.

Вася. Да пусти.

Силан (держа его за ворот). В гости ушла, друг любезный. Вот погоди, придет. Вот придет, так повидайся, что ж!

Вася. Да полно тебе мудрить-то надо мной. Что ты меня за ворот-то держишь?

Силан. А вот что: не свести ли мне тебя к хозяину покудова?

Вася. Силантий Иваныч, есть ли на тебе крест?

Силан (отпускает). Ну, бог с тобой. Сиди здесь! Только чтоб честно и благородно; а ежели что, сейчас руки назад и к хозяину. Понял?

Вася. Что же мне понимать-то?

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Силан. Ну, то-то же. Мне было б сказано. (Отходит и стучит в доску.)

Гаврило. Что тебя не видать давно?

Вася. Недосужно было. Ну, Гаврик, какие я чудеса видел, так, кажется, всю жизнь не увидишь!

Гаврило. Где ж это?

Вася. У Хлынова был.

Гаврило. У подрядчика?

Вася. Да. Он уж теперь подряды бросил.

Гаврило. Разве у тебя уж делов теперь нет никаких?

Вася. Какие дела! Все врозь ползет, руки отваливаются. В люди итти не хочется от такового-то капитала; я тоже человек балованый...

Гаврило. А ведь поневоле пойдешь, как есть-то нечего будет.

Вася. Ну, там что бог даст, а покуда погуляю.

Гаврило. Что же ты, какие диковины видел у Хлынова?

Вася. Чудеса! Он теперь на даче живет, в роще своей. И чего-чего только у него нет! Б саду беседок, фонтанов наделал; песельники свои; каждый праздник полковая музыка играет; лодки разные завел и гребцов в бархатные кафтаны нарядил. Сидит все на балконе без сертука, а медали все навешаны, и с утра пьет шампанское. Круг дому народ толпится, вес на него удивляются. А когда народ в сад велит пустить, поглядеть все диковины, и тогда уж в саду дорожки шампанским поливают. Рай, а не житье!

Гаврило. А ведь из крестьян недавно.

Вася. Ум такой имеет в себе. Уж каких-каких только прихотей своих он не исполняет! Пушку купил. Уж чего еще! Ты только скажи! А? Пушку! Чего еще желать на свете? Чего теперь у него нет? Все.

Гаврило. Да на что же пушку?

Вася. Как на что, чудак! По его капиталу необходимая это вещь. Как пьет стакан, сейчас стреляют, пьет другой – стреляют, чтобы все знали, какая честь ему передо всеми. Другой умрет, такой чести не дождется. Хоть бы денек так пожил.

Гаврило. Где уж нам! Ты моли бога, чтобы век работа была, чтобы сытым быть.

Вася. Еще барин с ним. Он его из Москвы привез, за сурьезность к себе взял и везде возит с собой для важности. Барин этот ничего не делает и все больше молчит, только пьет шампанское. И большое ему жалованье положено за вид только за один, что уж очень необыкновенные усы. Вот тоже этому барину житье, умирать не надо.

Гаврило. Эх, брат Вася! кому ты позавидовал! Нынче он этого барина шампанским поит, а завтра, может быть, надругается да прогонит. Хорошо, как деньжонки есть, а то и ступай пешком в Москву. А ты, хоть с грошом в кармане, да сам себе господин.

Вася. А то у него еще другой атютант есть, здешний мещанин, Алистарх.

Гаврило. Знаю.

Вася. Этот только на выдумки: как что сделать почуднее, выпить повеселее, чтоб не все одно и то же. Машины Хлынову делает, флаки красит, фонтаны в саду проводит, цветные фонари клеит; лебеда ему сделал на лодке на косу, совсем как живой; часы над конюшней на башне поставил с музыкой. Этот не пьет и денег берет

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru немного; зато ему и уважения меньше. «У тебя, говорит, золотые руки, наживай капиталы от меня!» – «Не хочу, говорит Листарх, и твой-то капитал весь несправедливый». – «Как ты, говорит, смеешь грубить, я тебя прогоню». Алистарх ему прямо так: «Гони, говорит, не заплачу, по мою жизнь вас, дураков, хватит». И так будто побранятся. Только Алистарх его ничего не боится, грубит ему и ругает в глаза. А Хлынов его за это даже любит; да и то надо сказать, денег у Хлынова много, а жить скучно, потому ничего он не знает, как ему эти деньги истратить, чтоб весело было. «Коли, говорит, не будет у меня Листарха, стану их так просто горстями бросать». Вот ему Алистарх и нужен, чтоб думать за него. А коли что сам выдумает, все нескладно. Вот недавно придумал летом в санях ездить по полю. Тут недалеко деревня; собрали двенадцать девок и запрягли их в сани. Ну, что за удовольствие! На каждую девку дал по золотому. А то вдруг на него хандра нападет: «Не хочу, говорит, пьянствовать, хочу о своих грехах казниться». Позовет духовенство, посадит всех в гостиной по порядку, кругом, на кресла и начнет потчевать; всем в ноги кланяется; потом петь заставит, а сам сидит один посреди комнаты и горькими слезами плачет.

Гаврило. Что ж ты у него делал?

Вася. Меня Алистарх позвал. Они теперь эту самую игру-лодку всю по-своему переделали. Лодка настоящая и ездят по пруду кругом острова, а на острове закуска и вина приготовлены, а Алистарх хозяином, одет туркой. Три дня кряду эту игру играли, надоела.

Подходит Наркис.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Наркис.

Наркис. Я что ж, я, пожалуй, с вами вместе сяду, нужды нет, что вы мне не компания. (Садится.)

Вася (не обращая на него внимания). Как разбойники раза два кругом острова объедут, и все атаман глядит в трубу подзорную, и вдруг закричит не своим голосом, и сейчас причаливают, и грабить, а хозяин кланяется и всех потчует.

Наркис. Какие это такие разбойники проявились и откуда? Мне это чтобы сейчас было известно.

Вася (не слушая). И хозяин говорит по-турецки, итак похоже, вот как быть надо.

Наркис. Есть тоже, которые разговаривать не хотят, но тоже и бьют их за это довольно порядочно.

Вася. А одеты все в бархат, настоящий, венецейский.

Наркис (вынимает красный фуляровый платок, надушенный, и размахивает им). Может, и другой кто одеться-то умеет, так что и купцу в нос бросится.

Гаврило. Поди ты с своими духами!

Наркис (показывая перстень). И супиры тоже можем иметь, что, которые купеческие дети есть, так, может, и не видывали. А про разбойников про ваших все узнается, потому прикрывать их не показано.

Вася. Да, может, ты сам разбойник-то и есть, кто тебя знает!

Наркис. И за такие слева тоже суд с вашим братом* короткий.

Вася. Я когда в Москве был, «Двумужицу» видел, так там с лодки прямо так из ружья и стреляют. Уж на что лучше.

Наркис. Я вот поеду в Москву, я погляжу, я погляжу, так ли ты говоришь.

Вася. Уж этому актеру трепали, трепали в ладоши, – страсть!

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1exander.ru
Наркис. Ты погоди врать-то, вот я погляжу, еще, может, твоя неустойка выдет.

Вася. А это купец, а не актер, а больше на разбойника похож.

Наркис (встает). Умного у вас разговору, я вижу, нет, слушать мне нечего. А между прочим, надобно сказать, я сам скоро в купцы выду. (Входит во флигель.)

Гаврило. А ты послушай, какую я песню наладил.

Вася. Валяй!

Гаврило (поет с гитарой).

Ни папаши, ни мамыши,
Дома нету никого,
Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно!
Силан (издали). Тише ты, никак хозяин...

Курослепов выходит на крыльцо.

Гаврило (не слушая, с большим азартом).

Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно!
Милый ручку протянул,
Казак плеткой стеганул.
На то сени, на то двери,
На то новы ворота.
Курослепов (сходит с крыльца). Гаврюшка! Вот кто гудит-то. Какое такое столпотворение ты тут на дворе заводишь!

Гаврило (Васе). Батюшки! Бери скорей гитару да полезай в кусты.

Вася берет от него гитару и лезет в кусты.

Курослепов. Кому я говорю! Глух ты, что ли! Иди сейчас сюда на глаза и с бандурой!

Гаврило. Гитары нет у меня, Павлин Павлиныч, провалиться на месте, нет-с, это я так...

Курослепов. Как так? Как так, мошенник!

Гаврило. Я, Павлин Павлиныч, на губах, право, на губах.

Курослепов. Поди сюда, поди сюда, говорят тебе!

Вася убегает с гитарой во флигель.

Силан. Ты, братец, иди, коли велят; уж делать, стало быть, нечего.

Гаврило. Что же такое! Я иду-с!

Силан. Ну, маленько потреплет, уж без того нельзя, на то он хозяин.

Гаврило идет нога за ногу. Курослепов обходит его и хочет к нему подойти. Гаврило отступает, потом бежит на крыльцо, Курослепов за ним в дом. Стучат в калитку. Силан отпирает. Входят Матрена и Параша. Силан, впустив их, уходит за ворота.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Матрена, Параша, потом Гаврило.

Матрена (идет к крыльцу, из дому выбегает Гаврило, растрепанный, и сталкивается с ней). Ой! Пострел! Под ребро! Под самое – под сердце! Я ж тебя, погоди! (Ловит

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
его за руку.)

Параша смеется.

Ты чему смеешься, чему?

Параша. Захотела смеяться и смеюсь.

Матрена. Эко зелье! Эко зелье! (Идет к Параше и ведет Гаврилу за собой, тот упирается.)

Параша. Не подходи лучше, нехорошо тебе будет.

Матрена. Запру тебя, в чулан запру, вот и весь раз говор.

Параша. Нет, не весь, много у нас с тобой разговору будет. (Уходит.)

Матрена. Эко зелье зарожденное! (Гавриле.) А ты откуда взялся? Уж ты на людей метаться стал! Ишь ты какой всклоченный! Трепали тебя, да, должно быть, мало.

Гаврило. Что ж, хорошо, что ль, трепать людей-то! Есть чем хвастаться! Ведь это все отчего людей-то треплют?

Матрена. Отчего? Ну, говори, отчего?

Гаврило. От необразования.

Матрена. От необразования? Тебя, видно, мало? Пойдем, я еще к хозяину сведу.

Гаврило. Да что вы в самом деле! Пустите! (Вырывается.) Я уж и так топиться от вас хочу.

Матрена. И чудесно! Вон и Парашка хочет топиться, так уж вы вместе, и нас-то развяжете.

Гаврило. Ну, я-то уж таковский, а за что вы на дочь-то? Никакого ей житья от вас нет. Это даже довольно подло с вашей стороны.

Матрена. Ах ты, тварь ползущая! Смеешь ли ты так хозяйке?

Гаврило. Ведь это в вас невежество ваше так свирепствует.

Матрена. Молчи! Сейчас я тебя всех твоих прав решу.

Гаврило. Каких прав? У меня и нет никаких. А что мне молчать? Я по всему городу кричать буду, что вы над падчерицей тиранствуете. Вот вы и знайте! (Уходит.)

Входит Наркис.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Матрена и Наркис.

Матрена. Это ты, Наркис?

Наркис (грубо). Нет, не я.

Матрена. Как ты можешь со мной так неучтиво! Хозяйка желает с тобой нежно разговаривать, – есть ее такое теперь желание...

Наркис. Вообразите! И что еще будет?

Матрена. Ты, как есть, мужик неотесанный.

Наркис. И то мужик, я себя барином и не ставлю. Что ты меня из кучеров-то приказчиком произвела, экономом, – ты думаешь, что я сейчас барином и стал для тебя, как же! Ты выправь мне такой лист, чтобы был я, как есть, природный

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
дворянин, да тогда учтивости от меня и спрашивай.

Матрена. Что ты выдумываешь-то, чего невозможно!

Наркис. А невозможно, я и так живу. Как был невежа, облом и грубиян, так, значит, и остался. И ничего я об этом не беспокоюсь, потому что мне и так очень хорошо.

Матрена. Что ты какой неласковый сегодня?

Наркис. А вот неласковый, так и неласковый.

Матрена. Да отчего?

Наркис. Так, ни от чего. Про разбойников много слышал.

Матрена. Про каких?

Наркис. Объявились в наших местах... человек полтора ста. Шайками по лесам и по воде на лодках.

Матрена. Да врут, чай, поди.

Наркис. Кто их знает; может, и врут.

Матрена. Что ж, ты боишься, что ли?

Наркис. Ну, вот еще выдумала! Стану я бояться, очень нужно!

Матрена. Ты что вышел-то? Тебе не нужно ль чего?

Наркис. Да, мне теперича очень требуется...

Матрена. Чего?

Наркис. Денег.

Матрена. Каких денег, что ты!

Наркис. Таких денег, – обыкновенных, государственных, а ты думала, игрушечных? Так я не маленький, мне не играть ими. Тысячу рублей давай!

Матрена. Да опомнись ты! Давно ли...

Наркис. Оно точно, что недавно; только, коли я требую, так, стало быть, нужно. Потому как я в купцы выходить хочу вскорости и беспременно, так, значит, чтоб мне была тысяча рублей.

Матрена. Варвар ты, варвар!

Наркис. Это точно, я варвар; это ты правду. Жалости во мне на вас нет.

Матрена. Да ведь ты меня грабишь.

Наркис. А для чего ж мне тебя не грабить, коли я могу. Что же я теперича за дурак, что мне от своего счастья отказываться!

Матрена. Да, ненасытная твоя душа, ужли тебе мало еще?

Наркис. Мало не мало, а коли есть мое такое желание, так, значит, подавай: разговаривать нечего. Ежели да мне с тебя денег не брать, это будет довольно смешно.

Матрена. Ах ты... Боже мой милостивый... что мне с тобой делать!

Наркис. Уж теперь шабаш, ничего не поделаешь! Ты бы об этом прежде...

Матрена. Где ж я тебе денег возьму?

Наркис. А это не моего рассудка дело.

Матрена. Да подумай ты сам, дубовая башка, сам подумай!

Наркис. Вот еще, очень нужно! Мне какое дело! Стану я для тебя голову ломать, как же! Думают-то петухи индейские. Я весь век прожил не думавши; а как сейчас что в голову придет, вот и конец.

Матрена. Кровопивец ты, окаянный! (Хочет итти.)

Наркис. Пстой, погоди. Не надо мне денег. Пошутил.

Матрена. Вот так-то лучше.

Наркис. А чтобы падчерицу за меня замуж, Парашу.

Матрена. Ну, не пес ты после этого?

Наркис. И денег, и приданого, всего как следует.

Матрена. У! Проклятый! Выколоть тебе бельмы-то твои завистливые.

Наркис. И сделай такую милость, свадьба чтоб была скорее. А то я таких делов наделаю, что и не расчерпаешь. Чего душа моя желает, чтоб это было! И пожалуйста, ты меня не задерживай. Вот тебе и сказ. Больше я с тобой разговаривать теперь не в расположении. (Уходит.)

Матрена. Попутал меня, ох, попутал! Накинула я себе петлю на шею! Вымотал он всю мою душеньку из бела тела. Ноженьки-то мои с места не двигаются. Точно меня громом ошаршил! Кабы эту чаду где бревном придавило, кажется бы в Киев сходила по обещанию.

Выходит Параша.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Матрена и Параша.

Матрена. Куда ты, куда выскочила?

Параша. Иди скорей, батюшка зовет.

Матрена. Ступай передом, я за тобой.

Параша. Я не барабанщик, впереди тебя ходить. (Сходит с крыльца.)

Матрена. Куда норовишь? Не бывать же по-твоему, не пущу я тебя ночью шляться по двору.

Параша. Ну, так ведь уйду же и на улицу, коли ты стала разговаривать. И не зачем уйти, а уйду. Иди домой, кличет, говорят тебе.

Матрена. Разорвусь пополам, а на своем поставлю.

Параша. Вынула ты из меня все сердце, вынула. Что тебе нужно от меня? (Становится прямо против нее.)

Матрена. Как что нужно, как что нужно? Первый мой долг, я тебя соблюдать должна!

Параша. Себя соблюдай!

Матрена. Ты мне не указ.

Параша. И ты мне не указ.

Матрена. Мне за тебя, за дрянь, да перед отцом отвечать...

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Параша. Нечего тебе придумывать-то, чего быть не может. Не в чем тебе отвечать, сама ты знаешь; только ненависть тебя разжигает. Что, я мешаю тебе, что ли, что на дворе погуляю. Ведь я девушка! Только и отрады у нас, что летним делом погулять вечерком, подышать на воле. Понимаешь ли ты, на воле, на своей воле, как мне хочется.

Матрена. Знаю я, зачем ты вышла-то; недаром Наркис-то говорил.

Параша. Ты б стыдилась об Наркисе-то и поминать. Матрена. Так вот нет же...

Голос Курослепова: «Матрена!»

О! чтоб вам пусто было! Измучили вы меня! В гроб вы меня вгоните!

Параша. За что ты надо мной тиранствуешь? У зверя лесного, и у того чувство есть. Много ль у нас воли-то в нашей жизни в девичьей! Много ли времени я сама своя-то? А то ведь я – все чужая, все чужая. Молода – так отцу с матерью работница, а выросла да замуж отдали, так мужнина, мужнина раба беспрекословная. Так отдам ли я тебе эту волюшку, дорогую, короткую. Все, все отнимите у меня, а воли я не отдам... На нож пойду за нее!

Матрена. Ах, убьет она меня! Ах, убьет!

Курослепов выходит на крыльцо, Силан в ворота.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Матрена, Параша, Курослепов, Силан.

Курослепов. Матрена! Что тебя не дозовешься!

Матрена. Уйми дочь-то, уйми! Зарезать меня хочет.

Параша. Нечего меня унимать, я и так смирна.

Матрена. Попала я в семейку, в каторжную. Лучше бы я у родителя в девичестве пребывала.

Курослепов. Эх, хватилась!

Матрена. Там меня любили, там нежили, там и по сю пору обо мне убиваются.

Силан. Ты кричи шибче! И так почитай весь город у ворот, не пожар ли, мол.

Курослепов. А ты метлой-то ее!

Матрена (Силану). И сохрани тебя господи! Что я с тобой... (Курослепову.) Ты дочь избаловал, ты! У вас один умысел, погубить вы меня хотите. Вели дочери покориться! С места не сойду.

Курослепов. Прасковья, покорись!

Параша. Да в чем покориться-то? Я по двору погулять вышла, а она меня гонит. Что она обо мне думает? Зачем она меня порочит? Я честней ее! Мне это обида. Горькая обида!

Матрена. Говори, лохматый шут...

Курослепов. Метлой-то ее!

Матрена. Тебя метлой-то! Говори, заспанные твои буркалы: мое дело беречь ее?

Параша. Нечего того беречь, кто сам себя бережет! Не говори ты мне таких слов!

Курослепов. Ну, что тут еще! Что за базар! Покорись, тебе говорят.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Параша. И ты говоришь: покорись? Ну, изволь... Я покорюсь. (Матрене.) Я покорюсь, только вот я тебе при отце говорю – это в последний раз, – запомни ты мои слова! Вперед я, когда хочу и куда хочу, туда и пойду. А коли ты меня станешь останавливать, так докажу я вам, что значит у девки волю отнимать. Слушай ты, батюшка! Не часто мне с тобой говорить приходится, так уж скажу я тебе зараз. Вы меня, девушку, обидели. Браниться мне с тобой совесть не велит, а молчать силы нет; я после хоть год буду молчать, а тебе вот что скажу. Не отнимай ты моей воли дорогой, не марай мою честь девичью, не ставь за мной сторожей! Коли я себе добра хочу, – я сама себя уберегу, а коли вы меня беречь станете... Не уберечь вам меня! (Уходит.)

Курослепов уходит за ней, потупя голову. Матрена за ним, ворчит и бранится про себя.

Силан (стучит в доску). Посматривай!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЛИЦА:

Курослепов.

Матрена.

Параша.

Серапион Мардарыч Градобоев, городничий.

Вася Шустрый.

Гаврило.

Силан.

Сидоренко, полицейский унтер-офицер, он же и письмоводитель городничего.

Жигунов, будочник.

Девушка.

Рабочие Курослепова.

Декорация первого действия. 10-й час. К концу действия на сцене темно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Градобоев, Силан, Сидоренко и Жигунов входят в ворота.

Градобоев. Что, человек божий, хозяева не спят еще?

Силан. Надо быть, нет; ужинать хотят.

Градобоев. Что поздно?.

Силан. Да все раздор; бранятся подолгу, вот и опаздывают.

Градобоев. А как дело?

Силан. Мне что! Говори с хозяином!

Градобоев. Сидоренко, Жигунов, вы подождите меня у ворот.

Сидоренко и Жигунов. Слушаем, ваше высокоблагородие.

Градобоев уходит на крыльцо.

Сидоренко (Силану, подавая табакерку). Березинского!

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Силан. С золой?

Сидоренко. Малость.

Силан. А стекла толченого?

Сидоренко. Кладу по пропорции.

Силан. Что нюхать, что нюхать, братец ты мой? Стар стал, ничего не действует; не доходит. Ежели ты мне, – так стекла клади больше, – чтоб он бодрил... встряхивал, – а это что! Нет, ты мне, чтоб куражил, до мозгов доходил.

Уходят в ворота. С крыльца сходит Параша.

Параша. Тихо... Никого... А как душа-то тает. Васи нет, должно быть. Не с кем часок скоротать, не с кем сердечко погреть! (Садится под деревом.) Сяду я да подумаю, как люди на воле живут, счастливые. Эх, да много ль счастливых-то? Уж не то чтобы счастья, а хоть бы жить-то полюдски... Вон звездочка падает. Куда это она? А где-то моя звездочка, что-то с ней будет? Неужто ж опять терпеть? Где это человек столько терпенья берет? (Задумывается, потом запекает):

Ах ты, воля, моя воля, воля дорогая,
Воля дорогая, девка молодая –
Девка по торгу гуляла...
Входят Вася и Гаврило.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Параша, Вася, Гаврило.

Гаврило. Погулять вышли?

Параша. Погулять, Гаврюша. Дома-то душно.

Гаврило. Теперь самое такое время, что гулять-с, и для разговору с девушками это время самое для сердца приятное. Так-с, точно мечта какая али сон волшебный-с. По моим замечаниям, вы, Прасковья Павлиновна, меня любить не желаете-с?

Параша. Послушай, Гаврюша, ведь этак можно и надоесть! Который ты раз меня спрашиваешь! Ведь ты знаешь, что я другого люблю, так чего ж тебе?

Гаврило. Так-с. Я полагаю, что мне и напредки в ожидании не быть-с.

Параша. А напредки, голубчик, что будет, один бог знает; разве я в своем сердце вольна? Только, пока я Васю люблю, уж тебе нечего приставать. Ты погляди-ка лучше, не подошел бы кто, мне с ним поговорить нужно...

Гаврило. Оченно могу-с. Потому желаю от всего моего чувствительного сердца хотя даже этаккой малостью быть вам приятным. (Отходит.)

Параша. Ну, вот молодец! (Васе.) Вася, когда же?

Вася. Дела-то у нас с тятенькой пораестроились.

Параша. Знаю. Да ведь вы живете; значит, жить можно; больше ничего и не надобно.

Вася. Так-то так...

Параша. Ну, так что ж? Ты знаешь, в здешнем городе такой обычай, чтобы невест увозить. Конечно, это делается больше по согласию родителей, а ведь много и без согласия увозят; здесь к этому привыкли, разговору никакого не будет, одно только и беда: отец, пожалуй, денег не даст.

Вася. Ну, вот видишь ты!

Параша. А что ж за важность, милый ты мой! У тебя руки, у меня руки.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Вася. Я уж лучше осмелюсь да так приду когда-нибудь, отцу твоему поклонюсь в ноги.

Параша. Вася, голубчик, терпенья моего нехватает.

Вася. Да как же быть-то, право, сама посуди.

Параша. Ты по воле ходишь, а я-то, голубчик, подумай, что терплю. Я тебе говорю по душе: нехватает моего терпенья, нехватает!

Вася. Уж ты малость-то, Параша, потерпи еще для меня!

Параша. Вася, нешуточные это слова, – пойми ты! Видишь ты, я дрожу вся. Уж коли я говорю, что терпенья нехватает, – значит, скоро ему конец.

Вася. Ну, полно! Что ты! Не пугай!

Параша. Что ты пуглив больно! Ты вот слов моих испугался, а кабы ты в душу-то мою заглянул, что там-то! Черно, Вася, черно там. Знаешь ли ты, что с душой-то делается, когда терпенью конец приходит? (Почти шопотом.) Знаешь ли ты, парень, какой это конец-то, где этот конец-то терпенью?

Вася. Да видит бог!... Ну, вот, что ж мне! Нешто не жаль, ты думаешь!

Параша (жметя к нему). Так держи ты меня, держи меня крепче, не выпускай из рук. Конец-то терпенью в воде либо в петле.

Вася. Да вот, вот, как маленько с делами управлюсь, так сейчас к отцу твоему, а то, пожалуй, и так, без его ведома.

Параша. Да когда ж, когда? День-то скажи! Уж я так замру до того дня, заморю сердце-то, зажму его, руками ухвачу.

Вася. Да вот как бог даст. Получения тоже есть, старые долгишки; в Москву тоже надо съездить...

Параша. Да ты слышал, что я тебе сказала? Что ж, я обманываю тебя, лишнее на себя наговариваю? (Плачет.)

Вася. Да бог с тобой! Что ты!

Параша. Слышал ты, слышал? Даром я, что ль, перед тобой сердце-то из груди вынимала? Больно ведь мне это, больно! Не болтаю я пустяков! Какой ты человек? Дрянной ты, что ли? Что слово, что дело – у меня все одно. Ты меня водишь, ты меня водишь, – а мне смерть видимая. Мука нестерпимая, часу мне терпеть больше нельзя, а ты мне: «Когда бог даст; да в Москву съездить, да долги получить!» Или ты мне не веришь, или ты дрянь такая на свет родился, что глядеть-то на тебя не стоит, не токмо что любить.

Вася. Ну, что ж ты так? Вот вдруг...

Параша. За что ж это, господи, наказание такое! Что ж это за парень, что за плакса на меня навязался! Говоришь-то ты, точно за душу тянешь. Глядишь-то, точно украл что. Аль ты меня не любишь, обманываешь? Видеть-то тебя мне тошно, только ты у меня духу отнимаешь. (Хочет итти.)

Вася. Да постой, Параша, постой!

Параша (останавливается). Ну, ну! Надумался, слава богу! Пора!

Вася. Что ж ты так в сердцах-то уходишь, нетто так прощаются? Что ты в самом деле! (Обнимает ее.)

Параша. Ну, ну, говори. Милый ты мой, милый!

Вася. Когда ж мне к тебе еще побывать-то? Потолковали бы, право, потолковали.

Параша (отталкивает его). Я думала, ты за делом. Хуже ты девки; пропадай ты

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru пропадом! Видно, мне самой об своей голове думать! Никогда-то я, никогда теперь на людей надеяться не стану. Зарок такой себе положу. Куда я сама себя определю, так тому и быть! Не на кого, по крайности, мне плакаться будет. (Уходит в дом.)

Гаврило подходит к Васе.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Вася и Гаврило.

Гаврило. Ну что, поговорил?

Вася (почесав затылок). Поговорил.

Гаврило. И как должно быть это приятно, в такую погоду, вечерком, и с девушкой про любовь говорить! Что в это время чувствует человек? Я думаю, у него на душе-то точно музыка играет. Мне вчуже было весело, что ты с Прасковьей Павлиновной говорил; а каково тебе?

Вася. Что ж, ничего! Она нынче сердита что-то.

Гаврило. Будешь сердиться от такой-то жизни. Уж хоть ты-то ее не огорчай! Я бы, кажется, на твоём месте... Вот скажи она мне: пляши, Гаврило, – я плясать, поди в омут – я в омут. Изволь, мол, моя родная, изволь. Скажи мне, Вася, какой это такой секрет, что одного парня девушки могут любить, а другого ни за что на свете?

Вася. Надо, чтоб парень был видный, из себя красивый.

Гаврило. Да, да, да. Так, так.

Вася. Это первое дело, а второе дело разговаривать нужно уметь.

Гаврило. Об чем, милый друг, разговаривать?

Вася. Об чем хочешь, только чтоб вольность в тебе была, развязка.

Гаврило. А я, братец ты мой, как мне девушка понравится, – и сейчас она мне, как родная, и сейчас я се жалеть начну. Ну, и конец, и разговору у меня вольного нет. Другая и у хороших родителей живет, а все мне ее жалко что-то; а уж если у дурных, так и говорить нечего; каждый миг у меня за нее сердце болит, как бы ее не обидел кто. И начну я по ночам думать, что вот ежели бы я женился, и как бы я стал жену свою беречь, любить, и все для нее на свете бы делал, не только что она пожелает, но и даже сверх того, – всячески бы старался для нее удовольствие сделать. Тем бы я утешался, что уж очень у нас женщины в обиде и во всяком забвении живут, – нет такого ничтожного, последнего мужичонка, который бы не считал бабу ниже себя. Так вот я хоть одну-то за всех стал бы ублажать всячески. И было б у меня на сердце весело, что хоть одна-то живет во всяком удовольствии и без обиды.

Вася. Ну, и что ж из этого? Для чего уж ты об себе так мечтаешь? К чему это ведет? Это даже никак понять невозможно.

Гаврило. Что тут не понять? Все тебе ясно. А вот что горько: что вот с этой-то я душой, а достанется мне дрянь какая-нибудь, какую и любить-то не стоит, а все-таки я ее любить буду; а хорошие-то достаются вам, прощальгам.

Вася. Что ж, ты эту всю прокламацию рассказываешь девкам аль нет?

Гаврило. Начинал, милый друг, пробовал, только я от робости ничего этого, как следует, не выговорю, только мямлю. И такой на меня конфуз...

Вася. Что ж они тебе на ответ?

Гаврило. Известно что, смеются.

Вася. Потому этот твой разговор самый низкий. А ты старайся сказать что-нибудь

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
облагороженное. Меня Параша когда полюбила? Я тебе сейчас скажу. Была вечеринка, только я накануне был выпимши и в это утро с тятенькой побранился и так, знаешь ты, весь день был не в себе. Прихожу на вечеринку и сижу молча, ровно как я сердит или расстроен чем. Потом вдруг беру гитару, и так как мне это горько, что я с родителем побранился, и с таким я чувством запел:

Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?

Ты добычи не дождешься:
Я не твой, нет, я не твой!
Посмотри за куст зеленый!

Дорожи теперь собой:
Пистолет мой заряженный!
Я не твой, нет, я не твой!

Потом бросил гитару и пошел домой. Она мне после говорила: «Так ты мне все сердце и прострелил насквозь!» Да и что ж мудреного, потому было во мне героичество. А ты что говоришь? какие-то плачевные слова и совсем неинтересно ничего. погоди, я тебя как-нибудь обучу, как надо с ихней сестрой разговаривать и в каком духе быть. А ты это что? Это одна канитель. Теперь как бы мне выбраться! Мимо Силана итти не рука, махну опять через забор. Прощай! (Идет к забору.)

На крыльце показываются Курослепов, Градобоев, Матрена и девушка.

Гаврило. Куда ты! Вернись назад, хозяева вышли; увидят – беда! Притаимся в кустах, пока уйдут.

Прячутся в кусты.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Курослепов, Градобоев, Матрена и девушка.

Курослепов. Давай, Серапион Мардарыч, выпьем мы теперича под деревом! (Девке.) Ставь закуску под дерево!

Градобоев. Выпьем под деревом!

Матрена. Что вам на одном месте-то не сидится!

Курослепов (жене). Брысь под лавку! (Градобоеву.) Как же это ты с туркой-то воевал?

Градобоев. Так и воевал, очень просто. Что мы у них этих одних крепостей побрали!

Матрена. Да, может, ты неправду?

Курослепов. Брысь, говорят тебе!

Матрена. Что ты уж очень некстати! Что, я тебе кошка, что ли, в самом деле?

Курослепов. Ты, Серапион Мардарыч, не осердись, помилуй бог! Ты и не гляди на нее, обернись ты к ней задом, пуцай она на ветер брешет. Как же вы эти самые крепости брали?

Градобоев. Как брали? Чудак! Руками. У турки храбрость большая, а дух у него короткий, и присяги он не понимает, как надобно ее соблюдать. И на часах ежели он стоит, его сейчас за ногу цепью прикуют к пушке, или там к чему, а то уйдет. Вот когда у них вылазка из крепости, тогда его берегись, тут они опивум по стакану принимают.

Курослепов. Каким же это опивом?

Градобоев. Ну, как тебе это растолковать? Ну, все одно олифа. И сейчас у него кураж; тут уж ему не попадайся, зубами загрызет. Так наши и здесь сноровку нашли. Как они повалят из крепости кучей, загалдят по-своему, наши сейчас

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru отступить, отступить, все их заманивают дальше, чтоб у них кураж-то вышел; как отведут их далеко, дух-то этот храбрый весь у них вылетит, тут уж казаки заезжают с боков, да так их косяками и отхватывают. Уж тут его руками бери, сейчас аман кричит.

Курослепов. Не любит! Что ж это он аман кричит, зачем ?

Градобоев. По-нашему сказать, по-русски: пардон.

Матрена. Ты вот говоришь: пардон, а я слышала, что у них такие есть, которые совсем беспардонные.

Градобоев. Слышала ты звон, да не знаешь, где он.

Курослепов. Сделай ты для меня такую милость, не давай ты ей повадки, не слушай ее слов, пусть одна говорит. А то вот только малость дай ей за что уцепиться, так и жизни не рад будешь. Ну, вот мы с тобой теперича, после сражения турецкого, и выпить можем.

Градобоев. Это уж своим чередом!

Садятся и наливают.

Вот я какой городничий! О турках с вами разговариваю, водку пью, невежество ваше всякое вижу, и мне ничего. Ну, не отец ли я вам, скажи?

Курослепов. Да уж что толковать!

Матрена. Ты пирожка не хочешь ли? Кушай на здоровье, Скорпион Мардарыч!

Градобоев. Боже ты мой милостивый! Да какой же я Скорпион! Это ты скорпион, а я Серапион.

Матрена. Что ты ко мне пристал, не я тебя крестила! Нешто я виновата, что тебе таких имен надавали! Как ни выворачивай язык-то, все тот же скорпион выдет.

Градобоев. Вот что, милая дама, ты бы пошла по хозяйству присмотрела; все-таки свой-то глаз лучше.

Матрена. Ну, уж ты эти свои дьявольские подходы оставь! Не глупей я тебя, только что разве в Туречине не бывала. Я вижу, что вам прогнать меня хочется, а я вот останусь

Курослепов. Брось ты ее! Вот охота! Не понимаю... Уж самое это последнее занятие: с бабой разговаривать. Диви бы дела не было! Вот она закуска-то!

Пьют.

Градобоев. Ну, как же твои деньги? Как же нам с этим делом быть?

Курослепов. Что с возу упало, то пропало.

Градобоев. Где они у тебя были?

Курослепов. Ну, ты знаешь, моя каморка, така темненькая. Туда, кроме меня с женой, никто и не ходит.

Градобоев. Подозрение на кого-нибудь имеешь?

Курослепов. Что грешить-то, ни на кого не имею.

Градобоев. Надо следствие.

Матрена. Ну да, как же не следствие!

Градобоев. Беспременно надо.

Матрена. Так вот я и позволю в моем доме тебе безобразничать.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Градобоев. Да мы тебя-то, пожалуй, и не спросимся.

Матрена. Знаю я это средство-то, для чего оно бывает.

Градобоев. Как тебе не знать, ты женщина умная. Мне нужно себя очистить, а то скажут, пожалуй: в городе грабеж, а городничий и не почешется.

Матрена. Ну, как же! Совсем не для того, а для того, что ты человек алчный.

Градобоев. Разговаривай еще!

Курослепов. Обернись к ней задом!

Матрена. Все тебе мало...

Градобоев. И то мало. Ты знаешь наше жалованье-то, а у меня семья.

Матрена. И выходит, ты человек алчный! Как зародился на свет скорпион, так скорпион и есть.

Градобоев (старается испугать). Я с тобой побранюсь! Сказал я тебе, чтобы не смела ты меня скорпионом звать: я ведь капитан, регалии имею; я с тебя бесчестье сдери, а то и в смиренный!

Курослепов. Хорошенько ее!

Матрена. В усмирительный? В уме ли ты?

Градобоев. Да еще на дуэль вызову.

Матрена. Так вот я испугалась, как же! Тебе только с бабами и драться! Велика беда, что я тебя скорпионом назвала. Вашего брата, как ни назови, только хлебом накорми!

Курослепов. Не связывайся ты с ней! Я уж с ней давно ни об чем не разговариваю, очень давно; потому нет моей никакой возможности. Разговору у меня с ней нет, кроме: подай, прими, поди вон – вот и все.

Матрена (Градобоеву). Ты свое средство, а я свое средство знаю. Запру ворота на запор, да собак выпущу, вот тебе и средство. Ты бы лучше разбойников-то ловил, а то средство...

Градобоев. Каких разбойников?

Курослепов. Брось ты ее!

Матрена. Из Брынских лесов человек полтора ста приплыли.

Градобоев. По сухому-то берегу... Где ж ты их видела?

Курослепов. Оставь, молчи лучше, а то она такую понесет околесную, что только разве пожарной трубой уймешь.

Градобоев. Ты бы ее останавливал.

Курослепов. Пробовал, хуже! А вот одно дело: дать ей на произвол, мели, что хочешь, а слушать и отвечать, мол, несогласны. Устанет, перестанет.

Пьют.

Матрена. Разбойники народ крещеный грабят, а они тут проклажаются, водку пьют.

Градобоев. Где грабят? Ну, сказывай! Кого ограбили?

Матрена. А я почем знаю? Я что за сыщик? По лесам грабят.

Градобоев. Так это не мое дело, а исправника.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Курослепов. Чего тебе от нее хочется? Я тебе доподлинно объясняю, что нельзя с ней разговаривать. Вот попробуй, так я тебе, чем хочешь, отвечаю, что беспременно ты через полчаса либо с ума сойдешь, либо по стенам начнешь метаться; зарежешь кого-нибудь, чужого, совсем невиноватого. Потому это дело испробованное.

Градобоев. Ну, уж видно, принести тебе подарочек. Я в Бессарабии у казака купил, у киргиза.

Курослепов. Сделай такую милость!

Матрена. Это что еще за выдумки?

Градобоев. В орде плетена, ручка в серебро оправлена с чернетью. Для друга не жаль. А уж какая полезительная!

Матрена. Умны вы больно, как погляжу я на вас! Это ты плеть хочешь подарить либо нагайку! Дорога твоя плеть, только стегать не по чем; потому это дороже вас обоих, не токма что твоей плети. Приноси свою плеть! Что ж, мы возьмем! Может, и пригодится на какую-нибудь невежу, на гостя неучливого!

Градобоев. Который у вас забор-то на пустырь выходит?

Курослепов (указывая). Вон этот.

Градобоев. Обмерить надо, сколько сажен от дому.

Курослепов. Для чего?

Градобоев. Для порядку.

Курослепов. Ну, что ж, можно.

Градобоев. Давай шагами мерять, ты от дому, а я от забору, так и сойдемся вместе. (Отходит к забору.)

Курослепов. Ну, давай! (Отходит к дому.)

Матрена. Шагайте, благо темно, смеяться-то на вас некому.

Градобоев (идет от забора). Раз, два, три...

Курослепов (идет от дома). Первый, другой, третий... погоди, сбился, начинай сначала.

Каждый идет на прежнее место и постепенно сходятся.

Градобоев (натываясь на Васю). Стой! что за человек? (Хватает Васю за ворот.) Сидоренко! Жигунов!

Курослепов (натываясь на Гаврилу, который подшибает его и убегает). Ай, убил, ай, убил! Караул! Держи его!

Вбегает Силан, за ним два будочника и несколько рабочих.

Матрена. Ах! Разбойники! Караул! Режут!

Силан. Где тут они?

Матрена. Вон, в кустах, хозяина режут. Ах! Караул!

Градобоев (будочникам). Вяжи, крути его, разбойника! Ты воровать, ты воровать? У меня, в моем-то городе? Хо-хо-хо!

Будочники вяжут Васю.

Силан (ухвате Курослепова). Нет, уж ты мне что хочешь пой, а уж я тебя теперича

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru поймал. Попался ты мне! Что я из-за тебя муки, что этого сумления...

Курослепов. Кого ты, кого ты? Хозяина-то! Возьми глаза-то в зубы.

Силан. Шалишь! Не обманешь! Что этого греха я за тебя принял.

Градобоев (Силану). И его тащи сюда! Огня подайте!

Силан (одному дворнику). Беги в молодцовскую, принеси фонарь.

Работник уходит.

Курослепов. Ты с разбойниками вместе, ты на хозяина, а еще дядя!

Матрена. Много ль их там, разбойников-то?

Силан. Ни один не уйдет, все тут. Подержите, братцы. Где тут у меня веревка была? (Лезет в сапог.)

Матрена. Все? Ах, полтора! Караул! Всех они вас, всех перекрушат и до меня доберутся. (Падает на скамью.)

Градобоев. Вяжите! Хо-хо-хо-хо! У меня-то в городе! Не нашли вы другого места!

Курослепов. погоди ж ты! Дай ты мне только руки-то высвободить, великая тебе будет...

Рабочий приносит и ставит фонарь на стол.

Градобоев. Давай их сюда! Сейчас допрос. Ух, устал. Вот она наша служба-то! (Хочет садиться на скамью.) Тут что еще! Мягко что-то! никак мертвое тело? (Трогает руками.) Еще забота! фу, ты! Нет тебе минуты покою.

Матрена. Ах! до меня, до меня добираются.

Градобоев. Ох, уж мне эта баба! Опять ты тут? (Берет ее за руку.)

Матрена. Пуще все :о не режьте вы меня и не троньте моего тела белого!

Градобоев. Ну да, как же, очень нужно! Какая невидаль! Пошла домой! говорят тебе. (Топают ногами.) Что ты тут судопроизводству мешаешь? (Садится на лавку.) Я свою должность правлю, сейчас арестовать велю.

Матрена уходит.

Силан (тащит Курослеповеа, ему помогают другие дворники). Вот, ваше высоко... О, чтоб!... И то, никак, хозяин.

Курослепов. Что вы, оглашенные! (Вырывается и хватает за ворот Силана.) Серапион Мардарыч! Господин городничий! Суди ты его! Я тебе кланяюсь, суди его сейчас! (Силану.) ведь теперь тебя всякими разными казнями казнить надо, потому как ты купца, который от всего общества превозвышен и за разные пожертвования и для благолепия... опять же его иждивением... а ты ему руки назад, при народе: и что ты со мной сделал! Теперь все мои чины как есть в ничто...

Градобоев. Не бойся! Все при тебе останутся, садись!

Силан. Кто же тебя... Вот поди ж ты! То ты бранишься, что плохо стерегу! Ну, вот я... что ж: что силы было – страсть, как устал. Ишь ты какой здоровый! Вот ты опять... а нешто я виноват, что темно.

Градобоев. Ну, это дело вы после разберете. Давай сюда вора настоящего.

Будочники подводят Васю.

Ты что за человек?

Курослепов. Да это Васька!

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Градобоев. Зачем же это, друг мой милый, ты за воровство принялся?

Курослепов. Да уж беспрерывно он, потому как отец теперь в расстройство...

Градобоев (Курослепову). Ты будешь допрашивать? Может быть, я не за свое дело взялся? Так надевай мой мундир, а уж я буду прошение писать, чтобы меня в отставку.

Курослепов. Ну, полно, не сердись!

Градобоев (Васе). Так как же, друг любезный?

Вася. Да помилуйте, Серапион Мардарыч! Нешто вы нас с тятенькой не знаете!

Градобоев. Постой! Ты отвечай мне на вопрос: зачем ты за воровство взялся? Занятие это, что ли, тебе понравилось? Или очень выгодно?

Вася. Да помилуйте, я собственно побывать зашел, а известное дело – прячешься от Павлина Павлыныча, так как у них облаковение все за волосы больше... А что я с малолетства к воровству никакой охоты... Кажется, даже малость какую, да ежели чужая, так мне и не надо.

Градобоев. Один ты этим делом промышляешь или в компании?

Вася. Что вам угодно, а за мной никаких делов нет-с.

Курослепов. Ну вас! Что за суд! Разве он признается? Да хоть и признается, так уж денежки прощай! Где ж это бывает, а у нас и по давню, чтобы пропащие деньги нашлись! Стало быть, их и искать нечего, и судить не об чем.

Градобоев. Нет, ты таких слов не говори! Ответишь!

Курослепов. Было бы за что отвечать-то! Найди, тогда отвечу.

Градобоев. Не дразни ты меня! Не обижай! Примусь искать, так найду. Теперь ты меня за живое задел.

Курослепов. Ну, ищи! Найдешь, ты будешь прав, а я виноват. А мы вот сдадим его в некруты за общество, они же теперь с отцом расстроились, значит, он так шатается, не при деле – вот и весь конец. На той же неделе сдадим, а покуда пусть посидит в арестантской за подозрение!

Градобоев. Ладно, пусть посидит покуда. (Будочникам.) Сведите его в арестантскую.

Вася. Да за что же, помилуйте!

Градобоев. Марш! Без разговору.

Будочники уводят Васю.

Курослепов. Ты еще моли богу... (Рабочим.) Ступайте по местам, что рты-то разинули!

Силан и рабочие уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Курослепов и Градобоев.

Градобоев. С ним еще кто-то был?

Курослепов. Надо быть, из своих. Я так думаю: Гаврилка! Ну, уж с этим я сам разочтусь.

Градобоев. Значит, кончено дело?

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Курослепов. Кончено.

Градобоев. Ну!

Курослепов. Что ну?

Градобоев. Если дело кончено, так что?

Курослепов. Что?

Градобоев. Мерси.

Курослепов. Какая такая мерси?

Градобоев. Ты не знаешь? Это покорно благодарю. Понял теперь? Что ж, я задаром для тебя пропажу—то искал?

Курослепов. Да ведь не нашел.

Градобоев. Еще бы найти! Тогда бы я не так с тобой заговорил. Мальчик я, что ли, для вас, по ночам—то разбойников ловить, живота не жалея! Я человек раненый!

Курослепов. Да ведь ты так, между делом, за водкой.

Градобоев. Водка сама по себе; дружба дружбой, а порядку не теряй! Ты без барыша ничего не продашь, ну так и я завел, чтобы мне от каждого дела щетинка была. Ты мне щетинку подай! Побалуй тебя одного, так и другие волю возьмут. Ты кушаешь, ну и я кушать хочу.

Курослепов. Да, ну что ж, я, пожалуй, завтра...

Градобоев; Милости просим на чашку чаю, пораньше.

Курослепов. Хорошо, зайду.

Градобоев (подает ему руку). До приятного! Ты завтра пришли ко мне Силана, мне его расспросить надо! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Курослепов, потом Гаврило и Силан.

Курослепов (громко). Гаврилка!

Гаврило у окна громко поет: «Ни папаши, ни мамыши».

Врешь, не обманешь! Гаврилка!

Гаврило входит.

Гаврило. Ежели вы опять за волосы, так пожалуйста лучше расчет!

Курослепов. Вот я тебя разочту сейчас. Силантий! Дядюшка! Эй!

Входит Силан. Выкинь его сундучишко на улицу и самого в шею.

Гаврило. Куда ж я ночью?

Курослепов. А мне что за дело! Мой дом не общественного призрения для всякого, который того не стоит. Коли жить не умеешь, ступай вон, и конец.

Гаврило. Да у меня полтора ста рублей денег зажито.

Курослепов. Важное дело полтора ста рублей; а у меня две тысячи пропало. Полтора ста! А в острог хочешь?

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Гаврило. Да за что же? Я человек бедный!

Курослепов. Бедные-то и воруют.

Гаврило. Мне деньги пожалуйте! Не с голоду же мне помирать.

Курослепов. Ну, ищи поди с меня. Эки проклятые! Тьфу! Вот хотелось ужинать, вот теперь и не хочется. А он с голоду помирать... да полтора ста рублей! Да я с тебя тысячу бы не взял за это расстройство. Поди за мной, Силантий, я тебе его пачпорт отдам. (Гавриле.) А то у меня и в остроге насидишься. (Уходит с Силаном.)

Гаврило. Вот тебе, бабушка, Юрьев день! Куда ты теперь, Гаврилка, денешься! Куда ни сунься, скажут, за воровство прогнали. Срам головушке! Убыток-то убытком, а мораль-то какая. На какой я теперь линии? Прямая моя теперь линия – из ворот да в воду. Сам на дно, пузырьки вверх. Ай, ай, ай, ай!

Выходит Силан.

Силан. Вот тебе пашпорт! Вольный ты теперь казак. Я так полагаю, что к лучшему. Собрать, что ли, твое приданое-то?

Гаврило. Сбери, брат, сделай милость, добра-то немного, все в узел; а у меня руки не действуют. Гитару-то не забудь. Я тут на столбушке посижу.

Силан уходит. Гаврило садится на столбик, выходит Параша.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Параша и Гаврило, потом Силан.

Параша. Что у вас тут за беда случилась, батюшка из себя выходит?

Гаврило. И-и-и не расчерпаешь. Я решен совсем.

Параша. Как, совсем?

Гаврило. Всего решен. Ни копейки, вся служба ни во что, и на все четыре стороны.

Параша. Ах ты, бедный!

Гаврило. Я-то еще ничего, а Васю в солдаты.

Параша (с ужасом). В солдаты?

Гаврило. Теперь в арестантской сидит, а на-днях сдадут.

Параша. Полно! Что ты! За меня в солдаты?

Гаврило. Не за вас, а его застали тут на дворе и занапрасно вором поставили, что будто он деньги украл.

Параша. Да ведь это все равно, все равно, ведь он для меня сюда пришел. Ведь он меня любит. Боже мой! Грех-то какой! Он пришел повидаться со мной, – а его в солдаты от отца, от меня. Отец-старик один останется, а его погонят, погонят! (Вскрикивает.) Ах, я несчастная! (Хватается за голову.) Гаврило, посиди тут, подожди меня минуту. (Убегает.)

Гаврило. Куда она? Что с ней? Бедная она, бедная. Вот и с отцом, с матерью живет, а сирота сиротой! Все сама об своей головушке думает. Никто в ее сиротское, девичье горе не войдет. Уж ее ль не любить-то. Ох, как мне грудь-то больно, слезы-то мне горло давят. (Плачет.)

Выходит Силан с узлом и гитарой.

Силан. Вот тебе шапка! (Надевает на него.) Вот тебе узел, вот тебе гитара. И значит, братец ты мой, прощай! Не поминай лихом, а добром не помянешь!

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Выходит Параша в бурнусе и с платком на голове.

Параша. Пойдем, пойдем!

Гаврило. Куда вы, куда вы, помилуйте!

Параша. К нему, Гаврилушка, к нему, мой милый!

Гаврило. Да ведь он в арестантской, помилуйте, что вы!

Параша. У меня деньги, вот видишь! Я подарю солдатам, меня пропустят.

Гаврило. Так ведь это утром, а где же вы ночь-то? (Кланяется в ноги.)
Останьтесь, матушка, родная, останьтесь!

Параша. Я у крестной ночую. Пойдем! Пойдем! Что за разговоры!

Силан (Параше). Ты за ворота проводить, что ль? Ну, проводи! Дело доброе. Он сирота.

Параша (оборотившись к дому, несколько времени молча смотрит на него). Прощай, дом родительский! Что тут слез моих пролито! Господи, что слез! А теперь хоть бы слезинка выкатилась; а ведь я родилась Тут, выросла... Давно ли я ребенком была: думала, что милей тебя и на свете нет, а теперь хоть бы век тебя не видать. Пропадай ты пропадом, тюрьма моя девичья! (Убегает. Гаврило за ней.)

Силан. Постой! Куда ты? (Махнув рукой.) Не мое дело! (Запирает калитку.) Эка жизнь! Наказание! (Стучит в доску и кричит.) Посматривал!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Градобоев.

Курослепов.

Гаврило.

Параша.

Вася.

Аристарх, мещанин.

Тарах Тарасыч Хлынов, богатый подрядчик.

Барин, с большими усами.

Силан.

Сидоренко.

Жигунов.

Мещане: 1-й, 2-й, 3-й.

Гребцы, песенники, инвалидные солдаты, арестанты.

Разные люди.

Площадь на выезда из города. Налево от зрителя городнический дом с крыльцом; направо арестантская, окна с железными решетками; у ворот инвалидный солдат; прямо река и небольшая пристань для лодок, за рекой сельский вид.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Аристарх сидит на пристани, ловит рыбу на удочку. Силан подходит и молча смотрит. У городнического крыльца стоит куча людей.

Аристарх (не замечая Силана.) Ишь хитрит, ишь лукавит. Погоди ж ты, я тебя перехитрю. (Вынимает удочку и поправляет.) Ты хитра, а я хитрей тебя; рыба хитра, а человек премудр, божьим произволением... (Закидывает удочку.) Человеку такая хитрость дана, что он надо всеми, иже на земле и под землею и в водах... Поди сюда! (Ташит удочку.) Что? Попалась? (Снимает рыбу с крючка и сажает в садок.)

Силан. Вот ты как ловишь-то!

Аристарх (оборачиваясь). Здорово, дядюшка Силантий!

Силан. С приговором-то оно... действительно... Много ты этого всякого приговору знаешь, а я не знаю, вот она мне и не попадает.

Аристарх. Какого приговору?

Силан. Молитва, мол, что ль, аль слова какие; вот я слушал, да не понял, а рыба-то и идет на них.

Аристарх. Полно, дядюшка Силантий, какие приговоры! Так, сам с собой разговариваю.

Силан. Ну, да уж что! Коли слово знать, на что лучше... Ты вон и часы... Скажешь, так, спроста,

Аристарх. Ты тоже рыбки половить?

Силан. До рыбки ль? Я к городничему.

Аристарх. Зачем?

Силан. У нас теперь дома литовское разорение, все одно, что Мамай прошел... Деньги пропали, раз; крестница твоя ушла...

Аристарх. Что мудреного! Уйдешь. Куда ж она?

Силан. Она у крестной, я заходил. Не велела, чтоб отцу... Ну, мне какая нужда.

Аристарх. Как же это деньги? Кому ж бы?

Силан. Ты ж говори! У вора один грех, а у нас с хозяином десять: что мы народу переклепали! Гаврилу прогнал, Вася Шустрый теперь в арестантской соблюдается покудова.

Аристарх. В арестантской? Что ты! Вот грехи-то!

Силан. Как есть грехи... Натворили... паче песка морского.

Аристарх. Как же быть-то? Надо Васю выручать! Кто ж его в арестантскую? Хозяин, что ль?

Силан. Хозяин! Силён, ну, и чудит. Городничий проснулся?

Аристарх. Поди узнай!

Силан. Что ходить-то! Он сам на крыльцо выйдет. Он целый день на крыльце сидит, все на дорогу смотрит. И какой зоркий на беспашпортных! Хоть сто человек-артель вали, как сейчас воззрится да поманит кого к себе: «А поди-ка сюда, друг любезный!» Так тут и есть. (Почесывает затылок.) А то пойти! (Подходит к городническому дому.) Аристарх. Что только за дела у нас в городе! Ну, уж обыватели! Самоеды! Да и те, чай, обходительнее. Ишь ты, чудное дело какое! Ну-ка! Господи благослови! (Закидывает удочку.)

Выходят Градобоев в халате и в форменной фуражке с костылем и трубкою и Сидоренко.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Градобоев и Сидоренко.

Градобоев (садясь на ступени крыльца). До бога высоко, а до царя далёко. Так я говорю?

Голоса. Так, Серапион Мардарьич! Так, ваше высокоблагородие.

Градобоев. А я у вас близко, значит, я вам и судья.

Голоса. Так, ваше высокоблагородие! Верно, Серапион Мардарьич.

Градобоев. Как же мне вас судить теперь? Ежели судить вас по законам...

1-й голос. Нет, уж за что же, Серапион Мардарьич!

Градобоев. Ты говори, когда тебя спросят, а станешь перебивать, так я тебя костылем. Ежели судить вас по законам, так законов у нас много... Сидоренко, покажи им, сколько у нас законов.

Сидоренко уходит и скоро возвращается с целой охапкой книг.

Вон сколько законов! Это у меня только, а сколько их еще в других местах! Сидоренко, убери опять на место!

Сидоренко уходит.

И законы всё строгие; в одной книге строги, а в другой еще строже, а в последней уж самые строгие.

Голоса. Верно, ваше высокоблагородие, так точно.

Градобоев. Так вот, друзья любезные, как хотите: судить ли мне вас по законам, или по душе, как мне бог на сердце положит.

Сидоренко возвращается.

Голоса. Суди по душе, будь отец, Серапион Мардарьич.

Градобоев. Ну, ладно. Только уж не жаловаться, а коли вы жаловаться... Ну, тогда уж...

Голоса. Не будем, ваше высокоблагородие.

Градобоев (Жигунову). Пленные есть?

Жигунов. Ночью понабрали, ваше высокоблагородие, – за безобразие, – двое портных, сапожник, семь человек фабричных, приказный да купецкий сын.

Градобоев. Купеческого сына запереть в чулан да сказать отцу, чтоб выручить приходил и выкуп приносил; приказного отпустить, а остальных... Есть у нас работа на огороде?

Жигунов. Есть. Человека два нужно.

Градобоев. Так отбери двоих поздоровее, отправь на огород, а тех в арестантскую, им резолюция после.

Жигунов с арестантами уходит.

Какие еще дела? Подходите по одному!

1-й мещанин. Деньги вашему высокоблагородию, по векселю.

Градобоев. Вот и ладно, одно дело с плеч долой. Сидоренко, положи в стол!

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
(Отдает деньги Сидоренке.)

Сидоренко. Много у нас, ваше высокоблагородие, этих самых денег накопилось, не разослать ли их по почте?

Градобоев. Посылать еще! Это что за мода! Наше дело взыскать, вот мы и взыскали. Кому нужно, тот сам приедет, – мы ему и отдадим; а то рассылать еще, Россия-то велика! А коли не едет, значит, ему не очень нужно.

Подходит 2-й мещанин.

Тебе что?

2-й мещанин. Векселек вам! Не платит.

Градобоев (приняв вексель). Сидоренко, сунь его за зеркало.

Сидоренко уходит.

2-й мещанин. Да как же за зеркало?

Градобоев. А то куда ж его? В рамку, что ль, вставить? У меня там не один твой, векселей тридцать торчит. Вот встречу как-нибудь твоего должника, скажу, чтоб поплатился.

2-й мещанин. А если он...

Градобоев. А если он... а если ты станешь еще разговаривать, так видишь. (Показывает костыль.) Пошел прочь! (Увидав 3-го мещанина.) А, друг любезный, ты здесь! Долги платить – денег нет, а на пьянство есть: вексель на тебя другой год за зеркалом торчит, заплесневел давно, а ты пьянствуешь. Ступай в сени, дождайся! Вот я тебе вексель-то на спину положу, да костылем и стану взыскание производить.

3-й мещанин. Явите божескую милость, ваше высокоблагородие! Достатки наши вам известные... помилосердуйте!

Градобоев. Вот я те помилосердную, ступай. (Заметив Силана.) Эй ты, дядя! Иди за мной в комнаты! С тобой у нас большой разговор будет. (Прочим.) Ну, с богом. Некогда мне теперь судить вас. Кому что нужно, приходите завтра. (Уходит с Силаном.)

Все расходятся. Входит Гаврило с холстинным мешком за плечами.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Аристарх и Гаврило.

Аристарх. А! Гонимый, здравствуй!

Гаврило. Слышал, стало быть?

Аристарх. Слышал.

Гаврило. Где правда?

Аристарх. Разве не знаешь? Подыми голову кверху.

Гаврило подымает.

Вон там!

Гаврило. Знаю. А где нам суда искать?

Аристарх. А суда вон там! (Показывает на дом городничего.)

Гаврило. А ежели мне правого нужно?

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Аристарх. А правого нужно, так подожди, будет и правый.

Гаврило. Да скоро ли?

Аристарх. Ну, не так, чтоб; зато уж хороший. Всех рассудит: и судей и судимых, и тех, которые неправый суд давали, и тех, которые никакого не давали.

Гаврило. Знаю я, про что ты говоришь-то.

Аристарх. А знаешь, зачем спрашиваешь. Ты что это мешок-то надел, аль в дорогу собрался?

Гаврило. На богомолье.

Аристарх. Час добрый! Куда?

Гаврило. В пустынь.

Аристарх. Один?

Гаврило. Нет, нас много, и крестница твоя.

Аристарх. Беглянка-то? Дома-то, чай, ищут.

Гаврило. Нет, крестная посылала сказать, что, мол, ушли на богомолье, чтоб не искали. Да кому плакать-то о ней? Мачеха, поди, рада, а отцу все равно, потому, он стал совсем без понятия. Мне зажитых не отдает, полтора ста рублей.

С крыльца сходят городничий и Силан.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Градобоев, Силан, Гаврило, Аристарх.

Градобоев. С ума я сойду с этим делом проклятым; всю ночь нынче не спал. Точно гвоздь мне в голову засел. А уж доберусь. (Силану.) Говори хоть ты толком, чучело!

Силан. Ничего я не скажу, вот что: греха много. Это дело мудреное! И! Мудреное! Куда мудреное!

Градобоев. Ну, а хозяин-то, прежде Василья, думал на кого-нибудь?

Силан. Заплыли у него очи-то, я говорю; заплыли, потускнели совсем. Въявь-то он ничего не может... что надлежщее, а городит так, зря, от дикости от своей.

Градобоев. Я за тебя примусь, я тебя в острог.

Силан. Ну, вот еще! Думал-думал, да выдумал. С большого-то ума!

Градобоев. Кому ты грубишь! Ты погляди, кому ты грубишь!

Силан. Да коли нескладно и совсем некстати.

Градобоев. Ты, видно, в арестантской давно не сидел.

Силан. Для того и не сидел, что не мое это место, вот что.

Градобоев. Молчи!

Силан. Молчу.

Градобоев. Я тебя, дружок, говорить заставлю! (Наступая на него.) Кто украл?

Силан. Коли ты пужать... Знать не знаю.. вот и залажу, и залажу... Хоть огнем жги... Так уж это, я тебе скажу, ты от камня скорей ответа дождешься, чем от меня.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Градобоев. Варвары! Да ведь не Васька?

Силан. Я почему знаю. Васька человек маленький, его как хошь тормози; а что, конечно, и у него тоже душа, она чувствует.

Градобоев. И не Гаврилка?

Силан. Опять же мое дело сторона. Гаврилко весь тут, его хоть вывори. У него за душой есть ли железный грош? Навряд ли! А совести у него супротив других... очень даже достаточно.

Градобоев. Ну, так на твое и выходит?

Силан. На что на мое? Я ничего не знаю, вот тебе и сказ!

Градобоев. Ну, в острог, нечего с тобой больше толковать.

Силан. Хотя и в острог, все то же будет. Так вот же тебе... (Решительно.) Знать не знаю... что меня, старика, пужать выдумал!

Градобоев (подбегает к нему с кулаками). Да я не пугаю. Ведь я с тобой лаской, понимаешь ли ты, лаской.

Силан. Да хоть и лаской...

Градобоев. Ведь если ты мне поможешь, я тебе такой магарыч... ну, десять, пятнадцать рублей.

Силан. Уж это, кажется, скорей от каменного попа железной про...

Градобоев. Не договаривай, мошенник! Имей почтение к градоначальнику.

Силан. Что ж почтение? Я, как должно, без шапки... перед тобой.

Градобоев. Слушай! (Шепчет на ухо.)

Силан. Да!

Градобоев. Часто?

Силан. Почитай, каждую ночь.

Градобоев. Ну, слушай. (Шепчет.) Сейчас ты и подай знак. Закричи.

Силан. Ладно!

Градобоев. Только ты никому ни гу-гу, а то знаешь у меня!

Силан. Ну, да уж...

Градобоев. Ступай!

Силан. Прощенья просим. (Уходит.)

Подходит Гаврило.

Градобоев (увидя Гаврилу). Ты что тут, друг любезный, шатаешься?

Гаврило. Я, ваше высокоблагородие, без места теперича-с.

Градобоев. Нехорошо! Кто без места, тот прохвост.

Гаврило. Я, Серапион Мардарыч, ничему этому не причинен. Не то что без места, я теперича, как есть, без копейки.

Градобоев. Еще хуже! И мне теперь с тобой лишняя печаль. Как об сыне родном, милый, об тебе заботиться надо.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Гаврило. Не оставьте!

Градобоев. Не оставлю. Буду в оба глядеть, как бы ты не украл чего. У кого копейки в кармане нет, у того, на чужое глядя, руки чешутся, а такие люди близки сердцу моему.

Гаврило. На что мне чужое! Мне и моего-то не отдают.

Градобоев. Не отдают?

Гаврило. И хозяин прогнал без расчета.

Градобоев. И прогнал? Ах, разбойник! Ну, что ж мне теперь прикажете с ним делать?

Гаврило. Явите божескую милость.

Градобоев. Явлю. Подожди, вот придет твой хозяин, проси у него расчета при мне, я с ним разделаюсь.

Гаврило. Будет ли мне польза, ваше высокоблагородие?

Градобоев. Не знаю, друг. Я так думаю, хозяин обругает тебя, а будешь приставать, так прибьет, а я прибавлю.

Гаврило. Где же мне с него денег искать, ваше высокоблагородие?

Градобоев. Мне-то что за дело, ищи, где хочешь!

Гаврило. Стало быть, мне теперь голодной смертью помирать?

Градобоев. Стало быть, помирать. – А кто его знает, может быть, и отдаст.

Гаврило. Нет, не отдаст. Разве вы прикажете.

Градобоев. Прикажете! А ты сперва подумай, велика ли ты птица, чтобы мне из-за тебя с хозяином твоим ссориться. Ведь его за ворот не возьмешь, костью внушения не сделаешь, как я вам делаю. Поди-ка заступись я за приказчика, что хозяева-то заговорят! Ии мучки мне не пришлют, ни лошадам овсеца: вы, что ль, меня кормить-то будете? Ну, что, не прошла ль у тебя охота судиться-то? А то подожди, подожди, друг любезный!

Гаврило. Нет, уж я лучше...

Градобоев. То-то, ты лучше... беги, да проворней, а то задержать велю.

Гаврило (отступая и кланяясь.) Так уж я...

Градобоев. Ступай с богом!

Гаврило проворно уходит.

Держи его! Ха-ха-ха!

Гаврило убегает и прячется за угол.

Эх, дела, дела! Не сходить ли на рынок для порядку! (Кричит.) Сидоренко!

Сидоренко показывается в дверях.

Сидоренко. Чего изволите, ваше высокоблагородие?

Градобоев. Бери кулек, догоняй, я на рынок пошел. (Уходит.)

Сидоренко с кульком бежит за ним. Входят Гаврило и Параша – одета как богомолка. Аристарх подходит к ней.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Параша, Аристарх и Гаврило.

Аристарх. Что ты, красавица моя, по городу-то бродишь?

Параша. Крестный, как бы мне с Васей повидаться?

Аристарх. Да что тебе в нем? Бог с ним!

Параша. Нет, крестный, нельзя. За меня ведь он, безвинно. Все мое горе я тебе сейчас скажу, нечего мне тебя стыдиться. Он со мной повидаться пришел, а его за вора сочли.

Аристарх. Э! Да, нехорошо! Ты дочь богатого отца; пожалуй, увидит кто.

Параша. Ничего! Не узнают; видишь, как я оделась; я платком закроюсь. А хоть и узнают, что ж за беда! Какая я дочь богатого отца, я теперь солдатка, крестный.

Аристарх. Как солдатка? Что ты?

Параша. Так! (Развязывает узелок в платке.) Я за него бесприменно на-днях замуж выду, а ежели мне помешают, так я наперед говорю, я сраму наделаю, я к нему в казармы уйду. (Дает ему деньги.) На вот деньги-то, солдатам дай.

Аристарх. В уме ли ты! Батюшки мои!

Параша. Да что ж! Чего ты испугался? Нешто я не властна над собой! Ты не пугайся! Что ж! Меня совесть заставляет. Так, стало быть, нужно. Люди его обидели, все, все отняли... с отцом разлучили. Что ж! Он меня любит, может, у него только одно это на свете и осталось: так неужто я отниму у него эту последнюю радость. Что я такое? Чем мне гордиться-то перед ним? Разве он меня хуже? Все равно, ведь уж мне в девках не оставаться. Выдадут, крестный. Разве мне легче будет тешить какого-нибудь купца-то пьяного, против своей воли? Не то что по охоте, а, кажись бы, его ножом лучше зарезала! А тут без греха, по любви.

Аристарх. Ну, видно, тебя не переспоришь. Что с тобой делать! Да на что мне деньги-то? У меня свои есть; а тебе, может, и понадобятся. (Отдает деньги и уходит в арестантскую.)

Гаврило (надев мешок). Мы скоро пойдём-то?

Параша. А вот только с Васей повидаюсь.

Гаврило. Ну, что ж, повидайтесь, а мы с Аристархом стеречь будем, чтоб не увидал кто.

Выходит Аристарх.

Аристарх. Сейчас арестанты пойдут за водой, так и его выпустят с ними.

Выходят два арестанта с ушатом и проходят на реку; за ними Вася и солдат.

Аристарх и Гаврило отходят к пристани.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Вася.

Параша (кланяется). Здравствуй, Вася!

Вася (совершенно убитый). Какими же ты это судьбами? Господи! Еще мне уж теперь тяжело! (Утирает слезы.)

Параша. Ничего, Вася, ничего! Ты не плачь! (Обнимает его.) Я из дому ушла совсем, я уж с тобой теперь всю жизнь; как ты будешь жить, так и я.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Вася. Каким манером?

Параша. Я за тебя замуж, нас обвенчают... ничего, не плачь... ну, скажу на себя, что он, мол, мне муж, не могу с ним разлучиться... ке разорвете, мол, нас, а лучше повенчайте.

Вася. Спасибо тебе! (Целует ее.)

Параша. Ну, будет про это. Теперь давай потолкуем о житье-то, Вася, голубчик, Вася!

Вася. Давай потолкуем.

Параша (прижимаясь к нему). Больно тебя бить-то будут.

Вася. Я буду стараться.

Параша. Старайся, Вася, старайся! А ты вот что: как тебя обучат всему и станут переводить из некрутое в полк, в настоящие солдаты, ты и просись у самого главного, какой только есть самый главный начальник, чтоб тебя на Кавказ и прямо чтоб сейчас на стражение!

Вася. Зачем?

Параша. И старайся ты убить больше, как можно больше неприятеля. Ничего ты своей головы не жалеи!

Вася. А как ежели самого...

Параша. Ну, что ж: один раз умирать-то. По крайности мне будет плакать об чем. Настоящее у меня горе-то будет, самое святое. А ты подумай, ежели ты не будешь проситься на стражение и переведут тебя в гарнизон: начнешь ты баловаться... воровать по огородам... что тогда за жизнь моя будет? Самая последняя. Горем назвать нельзя, а и счастья-то не бывало, – так, подлость одна. Изомрет тогда мое сердце, на тебя глядя.

Вася. Меня, я так полагаю, в гвардию, в Петербург.

Параша. Что ж, хорошо; а на стражение все-таки лучше. Ты возьми: коли бог тебе поможет, произведут тебя за твою храбрость офицером, – отпросишься ты в отпуск... Приедем мы с тобой в этот самый город, пойдем с тобой под ручку. Пусть тогда злодеи-то наши поглядят на нас. (Обнимает его.) А, Вася? Может, мы с тобой, за все наше горе, и дождемся такой радости.

Вася. Что ж, Мудреного нет, ежели дух иметь...

Параша. Ну, теперь, Вася, я иду в пустынь, помолюсь богу за тебя. Буду я, Васенька, молиться весь день, весь-то денечек, чтобы все, что мы с тобой задумали, бог нам дал. Неужели моя грешная молитва не дойдет! Куда ж мне тогда? Люди обижают и... (Плачет.) Вот что, Вася, я завтра опять к тебе побываю. Я теперь живу у крестной, а домой не пойду ни за что! Как я перешагнула порог, как я перешагнула, веришь ли ты, кажется мне, лучше я в огонь, чем назад. И представляется мне, что и холодно-то мне там, и ровно свету-то там нет, и обида-то там в каждом углу живет; и ровно я там обруганная какая на веки веков, и грудь-то у меня вся сжатая. Вот как в яму мне, как в яму. (Задумывается.) А ты ничего, Вася, ты куражся, чтобы перед другими-то...

Солдат. Эй, ты! Не велено арестантам.

Вася. погоди, кавалер, малость. (Параше.) Кажется, ты мне теперь, как ангел какой небесный...

Параша. Ну, милый, прощай покуда!

Вася (целует ее). Прощай! (Целует ее.)

Параша отходит и издали кланяется. Вася подходит к воротам с солдатом.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Параша (солдату). Ах, постой, кавалер, постой!

Солдат и Вася останавливаются.

Вася, вот тебе деньжонок, хоть калачика купишь, голубчик. Прощай!

Вася. Да уж полно!

Солдат. Да пойдем! Что тут! Не велено!

Параша. Ну, бог с тобой!

Вася с солдатом уходят; Параша несколько времени смотрит ему вслед.

Погоди, погоди, кавалер!

Подходят Аристарх и Гаврило.

Гаврило. Пойдем поскорее! Вон богомольцы-то из городу вышли.

Параша. Подите вы прочь от меня! (Подходит к арестантской, заглядывает в окна, потом садится на скамью у ворот и запекает.)

Провожу-то ли я дружка далекохонько,
Я до города-то его, до Владимира,
Я до матушки-то его, каменной Москвы.
Среди-то Москвы мы становились.
Господа-то купцы на нас дивовались.
Уж и кто это, да с кем прощается?
Или муж с женой, или это брат с сестрой,
Добрый молодец с красной девицей?
(Оттирает слезы и подходит к Гавриле.) Ну, пойдем! Ты на меня не сердись.

Гаврило (подавая палку). Что вы, помилуйте! Вот я вам палочку прибрал...

Параша (берет палку). Новую мне жизнь, Гаврюша, начинать приходится. Трудно мне. Как ни говори, все-таки силы-то не мужские, Гаврюша.

Гаврило (сквозь слезы.) Кожица-то на палочке вырезана – таково красиво!

Аристарх. Ступай, Параша, ступай! Городничий идет с отцом.

Параша. Прощай, крестный!

Параша и Гаврило уходят.

Аристарх. Вот и не родная дочь, а как жаль, смерть.

, Курослепов и Сидоренко с кульками.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аристарх, Градобоев, Курослепов и Сидоренко.

Градобоев (будочнику). Вели закуску готовить!

Сидоренко уходит.

Курослепов. Ты мне ее сыщи! Это твое прямое дело! На то ты и городничим у нас поставлен.

Градобоев. Уж ты меня не учи; я свое дело знаю, зачем я поставлен. Не ты меня поставил, значит, не смеешь ты мне и указывать.

Курослепов. Ежели ты будешь беглых безо всякого внимания...

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Градобоев. Разве она беглая? Она на богомолье ушла с матерью крестной.

Курослепов. На богомолье?

Градобоев. Вот, значит, я больше тебя знаю. Оттого я и городничий, оттого я и жалованный, а ты мужик, так мужиком и останешься на веки веков.

Курослепов. Да как же она может без спросу?

Градобоев. У кого ей спрашивать? Мачеха не пустит, ты спишь целый день, а у нее есть усердие.

Курослепов. Ну, вот, как она придет, ты ее ко мне с солдатом...

Градобоев. С солдатом?

Курослепов. На веревке.

Градобоев. И на веревке?

Курослепов. Мы ее наверх в светелку, там и запрем безвыходно.

Градобоев. Что вы за нация такая? Отчего вы так всякий срам любите? Другие так боятся сраму, а для вас это первое удовольствие! Честь-то, понимаешь ты, что значит, или нет?

Курослепов. Какая такая честь? Нажил капитал, вот тебе и честь. Что больше капиталу, то больше и чести.

Градобоев. Ну, мужики и выходите! Невежеством-то вы точно корой обросли. И кору эту пушкой не пробьешь.

Курослепов. Ну, и пуцай!

Градобоев. Дочь – девушка, невеста, а он ее с солдатом на веревке.

Курослепов. Потому... за непочтение, чтобы чувствовала...

Аристарх. Бедненькая!

Курослепов. Это кто еще... произносит?

Градобоев. Аристарх, кум твой.

Курослепов (Аристарху). Кто это у тебя бедная?

Аристарх (кланяясь). Здравствуйте, ваше степенство!

Курослепов. Нет, кто бедная-то?

Аристарх (со вздохом). Рыбка мала...

Курослепов. Отчего так она бедная?

Аристарх. Оттого, что большая ее обижают.

Курослепов. То-то рыбка. А ежели ты бунтовать, так...

Градобоев. Будет толковать-то, ведь ничего умного не скажешь.

Курослепов. Та когда мне кумом-то был? Когда у меня капиталу не было.

Градобоев. Пойдем, пойдем! Закуска дожидается. (Уводит Курослепова.)

Аристарх. Отчего я люблю щуку ловить? Оттого, что она обидчица, рыба зубастая, так и хватает. Бьется, бьется бедная мелкая рыба, никак перед щукой оправдаться не может!

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Вдали слышна песня.

Это что еще? Не наши ли? Ну, да кстати, скажу ему, может, и заступится.

Подъезжает лодка, в ней стоит Хлынов без сюртука, руки фертотом,

Барин с большими усами и шестеро гребцов.

Что вы безобразничаете, только рыбу пугаете! (Хлынову.) Ишь ты, с утра глазки-то налил. Нигде от вас скрыться нельзя.

На пристань выводят Хлынова и Барина с усами.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Аристарх, Хлынов, Барин и гребцы в лодке.

Хлынов (важно). Как ты можешь, братец ты мой! Река никому не заказана.

Аристарх. Вот что, братец ты мой, поди-ка ты сюда. (Отводит Хлынова на авансцену.) Если ты хочешь быть таким купцом, чтобы все на тебя ахали, ты перестань шампанским песок-то поливать! Ничего не вырастет.

Хлынов. Ну, братец, говори скорей! Я теперь не в таком разе, чтоб твоих наставлений слушать...

Аристарх. Ты сделай хоть одно доброе дело. Вот тогда про тебя заговорят – вот тогда ты себя покажешь.

Хлынов. Я все могу...

Аристарх. Ты знаешь Василья Шустроного? Он сидит в арестантской занапрасно, ты возьми его на поруки!

Хлынов. Не суть важное! Говори, братец, поскорее! Ты видишь, мне некогда.

Аристарх. Голова по злобе его в солдаты отдает, а ты его выкупи, он твои деньги заслужит; охотника найми либо квитанцию купи.

Хлынов. Из такого нестоящего дела, братец ты мой, ты меня тревожишь.

Аристарх. Человек погибает задаром, а он нестоящее.

Хлынов. Никакого я в тебе, братец, ума не вижу. Какая мне может быть честь перед другими, если я его выкуплю! Все эти твои слова ни к чему. А все дело состоит: так как Васька на бубне даже очень хорошо стал понимать, и мне чрез это самое от него утешение, значит, я сам в одну минуту это дело кончаю. Потому, если кто мне по нраву, тех трогать не смей.

Аристарх (с поклоном). Ну, как знаешь, как знаешь. Только не давай в обиду!

Хлынов. Как ты смеешь мне приказывать! Дома я с тобой разговаривать могу, а в городе я тебе не компания. Сейчас на свою дистанцию, назад! Барин, ваше благородие, пойдём к городничему.

Аристарх. Без сюртука-то! Вот так гости!

Хлынов. Тебе сказано, знай свое место! На задний стол к музыкантам! И все твои нравоучения так и останутся при тебе, не оченно-то нам интересно.

Барин. Я не пойду, нехорошо, неучтиво!

Хлынов. Я так понимаю, что это гордость.

Барин. Совсем не гордость, топ шер, чем мне гордиться? А нехорошо! Ты знаешь, я в тебе эту черту не люблю. Уж извини.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Хлынов. Да-с. Какую это черту, позвольте спросить?

Барин. Свинства твоего!

Выходят городничий и Курослепов. Сидоренко в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Хлынов, барин, Аристарх, городничий, Курослепов, Сидоренко и гребцы.

Хлынов. Нашему градоначальнику! (Кланяется.) Господин полковник, мы к вашему высокоблагородию!... Павлину Павлинычу, предводителю нашему купеческому, почтение. Барин, гляди, вот все это наше начальство! Господин полковник Градобоев, господин Курослепов, его высоко... высокостепенство; а для нас это все одно ничего, можем слободно...

Градобоев. Уж очень ты, господин Хлынов, безобразничаешь!

Хлынов. Господин полковник, это вы действительно; безобразия в нас даже очень достаточно. Господин полковник, вы извольте с меня, за мое безобразие, штраф положить! Как я какое безобразие, вы сейчас: «Хлынов, штраф!» Извольте получать, господин полковник.

Курослепов. Что ты уж больно куражишься-то?

Хлынов. Отчего же мне, господин Курослепов, не куражиться? У меня куражу-то полон погреб. Господа начальство, извольте мне ответ дать, по какому такому случаю Васька Шустрый у вас содержится?

Градобоев. Ну, уж, господин Хлынов, ты куражиться – куражься, а в чужое дело не лезь, а то я тебя ограничу.

Хлынов. Никак не чужое, потому он мне сейчас нужен.

Курослепов. Нам тоже баловство-то в городе не очень приятно.

Хлынов. Ежели от него баловство, я в ответе. Беру сейчас на поруки.

Курослепов. У нас за общество уйдет, мы найдем место всякому.

Хлынов. Охотника ставлю. Господин городничий, извольте отпустить Шустрога ко мне на поруки. Ежели благодарность требуется, мы за этим не постоим. (Ищет в кармане.)

Барин. Полно, что ты!

Хлынов. Ш-шь, ни слова! Господин полковник, извольте сами назначить.

Градобоев. Сидоренко, поди вели выпустить Шустрога!

Сидоренко. Слушаю, вашескоблагородие! (Уходит.)

Хлынов. Господа, пожалуйста ко мне откушать, на дачу, покорнейше я вас прошу, щи да кашу кушать! А может, поищем, и стерлядей найдем, – я слышал, что они в садках сидеть соскучились; давно в уху просят. Винца тоже отыщем, кажется, у меня завалылась бутылочка где-то; а не поленятся лакеи, так и в подвал сходят, дюжину-другую шампанского приволокут. Так как вы наше начальство, будем здоровье ваше пить, с пушечной пальбой, и народ поставим в саду ура кричать. Милости просим, господа!

Градобоев. Вот когда ты дело говоришь, и слышать тебя приятно.

Курослепов. Жена будет ждать, пожалуй надумается.

Хлынов. Супруге депешу пошлем, штафету снарядим.

Сидоренко приводит Шустрога.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Вася.

Хлынов (Васе). Знай порядки! Как ты, братец, довольно необразован! В ноги градоначальнику!

Вася кланяется.

Его высокостепенству.

Вася кланяется.

Мне!

Вася кланяется.

Пошел в лодку, бери бубен!

Вася уходит в лодку.

Пожалуйте, господа!

Все входят в лодку.

Аристарх, к рулю!

Аристарх становится у руля.

Маркитант! Знай свое дело!

Один из гребцов подает флягу с водкой и закуску.

Пожалуйте, господа, на дорожку, чтоб смелей было ехать.

Все пьют и закусывают.

Алистарх, наблюдай, братец, где мели и подводные камни! Чуть где место опасное, докладывай, – мы в те поры будем на нутр принимать для храбрости. Поехали! Начинай! Васька, действуй с бубном!

Песня. Отъезжают.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

Сад на даче Хлынова, налево вход в дом.

ЛИЦА:

Хлынов.

Барин.

Аристарх.

Курослепов.

Градобоев.

Вася.

Прислуга.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Градобоев, Курослепов, Хлынов, Барин и прислуга

Хлынова (выходят из дому).

Курослепов. Вот так угощение! Дай только бог перенести. Хоть какого губернатора таким манером уважить можно. Надо тебе чести приписать!

Хлынов. А из чего ж мы и бьемся, как не из чести; одно дело, на том стоим.

Курослепов. Ну и прощай, за мной лошади приехали. Повезут теперь меня домой.

Хлынов. Погоди, так нельзя. Надо последнюю, разгонную выпить. (Прислуге.) Эй! Братец! Посмотри поди, лет ли у нас какого-нибудь вина. Я думаю, что какое-нибудь найдется.

Человек уходит.

Градобоев. Вы пейте, а я шабаш.

Хлынов. Господин полковник, у нас такая пословица: в гостях, в неволе.

Градобоев. Уж ты меня неволил довольноно.

Человек вносит бутылку шампанского.

Хлынов. Градоначальник наш! Уважаю! Храбрый воин! Не огорчайте хозяина, не обескураживайте купца Хлынова. (Подает ему стакан.)

Градобоев. Нет, стара штука. Всего вина у тебя не выпьешь. Пейте сами.

Хлынов. Ежели вам, господин полковник, угодно видеть, исправны ли обыватели, мы вам это сейчас покажем. (Курослепову.) Господин предводитель, прошу обо всей! Барин, выручай!

Пьют.

Кажется, довольно чисто и аккуратно. (Показывает Градобоеву стакан.) Потому, я в своем доме люблю опрятность. (Человеку.) Догадайся, братец, догадайся!

Человек. Готово-с. (Подает другую бутылку.)

Курослепов. Ну, нет, прощай, а то до дому не доедешь, с дрожек свалишься.

Хлынов. Провожатого дадим.

Курослепов. Ты упрям, а я тебя упрямее. Зарежь, так не стану. Я тебе удовольствие сделал, и будет. И то уж сны какие стали сниться! Господи! Звери всё, да хоботы, всё тебя хватают, да ловят, да небо валится... Прощайте! Ну вас! (Идет.)

Хлынов. Напередки не забывай!

Курослепов. Твои гости. (Уходит.)

Хлынов. Эй, молодцы, посадите господина Курослепова на дрожки! А ежели мы в нем настоящей крепости не найдем, посадим напротив него молодца и будет держать за плечи до самого дому. (Хочет итти.)

Барин. Ты останься с полковником! Я пойду провожу. (Уходит. Несколько людей за ними.)

Хлынов (с стаканом на подносе). Господин полковник, жду!

Градобоев. Не буду, русским я тебе языком говорю или нет!

Хлынов. У меня закон, господин полковник: кто не выпьет, тому на голову лить.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Градобоев. Очень мне нужно твои законы знать. У тебя закон, а у меня костыль.

Хлынов. Не сладите, господин полковник, обольем. Могу с вами паре держать, что обольем.

Градобоев. Попробуй! Что я с тобою сделаю!

Хлынов. Ничего вы со мной не сделаете, я так понимаю.

Градобоев. Да тебя засудят, тебе в Сибири места не будет.

Хлынов. Не страшно мне, господин полковник, не пугайте вы меня. Право, не пугайте лучше! Потому я от этого хуже. А хотите паре держать, что я не боюсь ничего? Вот вам сейчас видимый резон: доведись мне какое безобразия сделать, я ту ж минуту в губернию к самому. Первое мне слово от их превосходительства: «Ты, Хлынов, безобразничаешь много!» Безобразничаю, ваше превосходительство; потому такое наше воспитание, – биты много, а толку никакого. Наслышан я насчет пожарной команды, починки и поправки требуются, так могу безвозмездно. «Да, говорят, ты нраву очень буйного?» Буйного, – ваше превосходительство, сам своему нраву не рад, зверь зверем. Да и арестантские тоже плохи, ваше превосходительство. Что хорошего, арестанты разбегутся, так я тоже могу безвозмездно. Вот вам, господин полковник, наша политика! Да это еще не все. От самого-то, да к самой. «Не угодно ли, матушка, ваше превосходительство, я дом в городе выстрою, да на сирот пожертвую». Потому что к самой я не только вхож, но даже пивал у ней чай и кофей, и довольное равнодушно. Ну, и выходит, господин полковник, что, значит, городничим со мной ссориться барыш не велик. Другому они страшны, а для нас все одно, что ничего. Так уж вы лучше со мной не судитесь, потому я сейчас вас обремизить могу; а лучше положите с меня штраф, за всякое мое безобразие, сто рублей серебра. (Подносит вино.) Пожалуйте без церемонии!

Градобоев (берет стакан). Прокаженные вы! Турок я так не боялся, как боюсь вас, чертей! Через душу ведь я пью для тебя, для варвара. Когда вы захлебнетесь этим вином проклятым!

Хлынов. Все это нам, господин полковник, на пользу сотворено... Ежели иной раз и много, так что случается ужасно даже много...

Градобоев. Случается! Каждый день с вами это случается.

Хлынов. Допустим так; но ежели с молитвой и, главное, чтоб не оговорил никто... какой может быть вред!

Градобоев. Прощай! Теперь не скоро заманишь.

Барин возвращается.

Хлынов. Зачем же-с! А мы так надеемся, что вы наши постоянные гости. (Вынимает бумажник.) Позвольте вам! (Подает три сторублевые ассигнации.) Считайте так, что за штраф!

Градобоев. Ну тебя, не надо!

Хлынов (обнимает его и кладет ему насильно деньги в карман). Невозможно! Без гостинцу не отпущу. Мы тоже очень понимаем, что такое ваша служба.

Градобоев. Изломал ты меня, леший.

Хлынов. Вы ничему не причинны, не извольте беспокоиться; потому вам насильно положили.

Градобоев. Ну, прощай! Спасибо!

Целуются.

Хлынов. Эй, народы! Градоначальника провожать! Чтоб в струне.

Все уходят. Входит Вася.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Барин, Вася, потом Хлынов и прислуга.

Барин. Ну, как твои дела?

Вася. Квитанцию добыл, да не знаю, как вот Тарах Тарасыч... Он...

Барин. Деньги заплатит.

Вася. Ужли заплатит?

Барин. Заплатит, только тебя в шуты определит.

Вася. Ну, уж это зачем баловаться!

Барин. Что ж, не хочешь? Лучше в солдаты пойдешь?

Вася. Само собой.

Барин. Нет, шалишь! Я вашего брата видал довольно; не такие солдаты бывают, у тебя поджилки не крепки. В писарях тебе быть, это так; хохол завивать, волосы помадить, бронзовые цепочки развешивать, чувствительные стихи в тетрадку переписывать, это так; а в солдаты ты не годишься. А вот сам Хлынов идет, толкуй с ним.

Вася робко отступает. Входит Хлынов и несколько человек прислуги.

Хлынов. Уехали. Ну, вот что я теперь, братец ты мой, остался! С тоски помирать мне надобно из-за своего-то капитала.

Барин. Вольно ж тебе скучать-то!

Хлынов. А что ж мне делать? Взад вперед бегать? На тебя, что ль, удивляться? Какие такие узоры, братец, на тебе написаны?

Барин. Во-первых, ты осторожней выражайся, а во-вторых, у тебя на то Аристарх, чтобы тебе увеселения придумывать.

Хлынов. Да, должно быть, ничего не придумал. Я ему еще давеча приказывал: сиди, братец, не сходя с места, думай, что мне делать сегодня вечером. (Слуге.) Где Алистарх?

Слуга. Здесь, в саду, под деревом лежит.

Хлынов. Думает?

Слуга. Нет, в дудку дудит, ястребов приманивает.

Хлынов. Ему думать приказано, а он в дудку дудит. Позвать его сейчас ко мне на глаза!

Слуга уходит. Хлынов, увидав Васю, садится в кресла, разваливается и говорит важным тоном.

А, ты здесь! Поди сюда, я желаю с тобой разговаривать! Как я, братец ты мой, при твоей бедности, хочу быть тебе благодетелем,

Вася кланяется.

по этому самому, я у тебя спрашиваю, как ты сам о себе думаешь.

Вася. Квитанцию нашли-с.

Хлынов. А какой может быть курс на эти самые патенты?

Вася. То есть как цена-с?

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Хлынов. Ты, братец, должен сразу понимать. Я для всякого ничтожного человека не могу по десяти раз повторять.

Вася. Четыреста рублей-с.

Хлынов. Откуда ж ты эти самые капиталы получить в надежде?

Вася (кланяясь в ноги). Не оставьте, Тарах Тарасыч!

Хлынов. Ты, может, братец, воображаешь, что твои поклоны очень дорого стоят?

Вася. Бог даст, мы с тятенькой поправимся, так в те поры вам с благодарностью...

Хлынов. Как ты, братец, мне, на моей собственной даче, смеешь такие слова говорить! Нечто я тебе ровный, что ты мне хочешь деньги отдать. Ты займы, что ли, хочешь взять у меня, по-дружески? Как посмотрю я на тебя, как ты, братец, никакого образования не имеешь! Ты должен ждать, какая от меня милость будет; может, я тебе эти деньги прощу, может, я заставлю тебя один раз перекувырнуться, вот и квит. Ты почем мою душу можешь знать, когда я сам ее не знаю, потому это зависит, в каком я расположении.

Вася. На все ваша воля, Тарах Тарасыч; а что у меня теперича душа расстается с телом.

Хлынов. Так бы ты должен с самого первоначалу... покорность... Теперь я тебя, братец ты мой, так решаю; четыреста рублей для меня все равно плюнуть, а за эти деньги ты будешь служить у меня год, в какое я тебя звание определяю.

Вася. Уж вы мне теперь скажите, Тарах Тарасыч; потому мое дело такое: тятенька, опять же знакомства много, как были мы в городе на знати, сами тоже в купеческом звании...

Хлынов. Быть тебе, братец ты мой, у господина Хлынова запевалой. Вот тебе и чин от меня.

Вася. Уж очень страм перед своим братом, Тарах Тарасыч.

Хлынов. А коли страм, братец, я тебя не неволю, ступай в солдаты.

Вася. Позвольте, Тарах Тарасыч, подумать!

Хлынов. Вот опять ты выходишь дурак и невежа! Давно ль ты сенатором стал, что думать захотел! Думают-то люди умные. А коли ты, братец, думать захотел, так свести тебя опять в арестантскую, там тебе думать будет способнее.

Вася. Нет, уж вы, Тарах Тарасыч, мою молодость не губите; а как, значит, вам угодно, так пусть и будет.

Хлынов. Недолго же ты, братец мой, думал.

Входит Аристарх.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Аристарх.

Хлынов. Где ты, братец ты мой...

Аристарх. Погоди, безобразный! (Прислуге.) Вы тут пьяные-то по саду путаетесь, так вы смотрите, там у меня в капкан не попадите; на хорька поставлен. Тоже прислуга! Не плоше хозяина. Да там у меня змей под деревом.

Хлынов. Для чего у тебя змей? Как ты, братец, довольно глуп! Еще укусит кого.

Аристарх. Ты вот умен. Он бумажный. Я его склеил, так сушить поставил.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Хлынов. А для какой надобности?

Аристарх. Пускать будем вечером с фонарем, с лодки. А к лодке я такую машину приделываю, ручную, и колеса заказал, будет, как вроде пароход.

Хлынов. А что ж, братец ты мой, я тебе думать приказывал, куда мне себя нынешний вечер определить.

Аристарх. Я уж придумал; вот сейчас скажу. (Берет стул и садится). Слушайте! Тут неподалеку есть барин, по фамилии Хватский. У него было имение хорошее, только он все это нарушил через разные свои затеи. Дом свой весь переломал, все печи и перегородки разобрал и сделал из него театр, а сам живет в бане. Накупил декораций, разных платьев, париков и лысых и всяких; только ни представлять, ни смотреть у него этот театр некому. В деньгах он теперь очень нуждается, потому он на всех полях картофель насадил, хотел из него крахмал делать, а он у него в полях замерз, так в земле и остался; и хочет он теперь в Астрахань ехать рыбий клей делать; теперича он весь свой театр продаст за бесценок.

Хлынов. Для чего ты, братец, нам эту рацею разводишь?

Барин. Погоди, тут что-то на дело похоже.

Аристарх. Да само собою; нечто я стану зря. Ты слушай, безобразный, что дальше-то будет! Вот я сейчас поеду и куплю у него все костюмы. А вечером всех людей нарядим разбойниками; шляпы у него есть такие большие, с перьями. Разбойники у нас будут не русские, а такие, как на театрах, кто их знает, какие они, не умею тебе сказать. Чего не знаю, так не знаю. И сами нарядимся: я пустынноиком...

Хлынов. Зачем пустынноиком?

Аристарх. Что ты понимаешь! Уж я, стало быть, знаю, коли говорю. При разбойниках завсегда пустынноик бывает; так смешнее. И выдем все в лес, к большой дороге, подле шалаша. Барина атаманом нарядим, потому у него вид строгий, ну и усы. Тебя тоже разбойником нарядим; да тебя и рядить-то немного нужно, ты и так похож, а в лесу-то, да ночью, так точь-в-точь и будешь.

Хлынов. Ну ты, братец, в забвение-то не приходи!

Аристарх. Станем мы в свистки свистеть по кустам, будем останавливать прохожих и проезжих да к атаману водить. Напугаем, а потом допьяна напоим и отпустим.

Барин. Превосходно придумано.

Хлынов. Ничего, ладно. Занятие очень интересное. Ну, ты поезжай, а я сосну пойду. (Уходит.)

Барин. Мы прежде с народом репетицию сделаем. Это отличная будет штука, и благородная штука и приятная. Да, весело, чорт возьми, а то было я уж издох со скуки. (Уходит.)

Вася подходит к Аристарху.

Вася. Дядюшка Аристарх, я порешился к Хлынову.

Аристарх. Твое дело

Вася. Да все как-то раздумье берет! Иной раз такая мысль придет: не лучше ль в солдаты! Да кабы не так трудно, я бы сейчас... потому еройский дух...

Аристарх. То-то ты с еройским-то духом да в шуты и пошел.

Вася. Ничего не поделаешь. Страшно! А уж ежели бы я осмелился, кажется, каких бы делов наделал.

Аристарх. Полно! Где уж! Пшеничного ты много ел. Душа-то коротка, так уж что хвастать. Хе, хе, хе! Мелочь ты, лыком шитая! Всю жизнь крупинками питаешься, никогда тебе целого куска не видать, а все бодрисься, чтоб не очень, тебя

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
хамом-то ставили. Все как-то барахтаешься, лезешь куда-то, не хочется вовсе-то
ничком в грязи лежать.

Вася. Оно точно, что...

Аристарх. Смолоду-то, пока образ-то и подобие в нас еще светится, оно, как
будто, нехорошо колесом-то ходить. Конечно, мое дело сторона, а к слову
пришлось, я и сказал.

Вася. Да это ты верно. Вот еще мне забота: что Параша скажет, коли я у Хлынова
запевалой останусь! Э, да что мне на людей смотреть! Коли любит, так и думай
по-моему. Как мне лучше. А то, что слезы-то заводит. Своя-то рубашка у к телу
ближе. Так, что ли, дядюшка Алистарх? Ох, да какой же я у вас ухорский песельник
буду.

Уходит с Аристархом.

СЦЕНА II

ЛИЦА:

Хлынов.

Барин.

Аристарх.

Вася.

Параша.

Гаврило.

Люди Хлынова.

Наркис и прохожие люди.

Поляна в лесу. Налево небольшой плетеный сарай для сена, у сарая, со стороны,
обращенной к зрителям, положена доска на двух обрубках в виде скамьи; на правой
стороне два или три пня и срубленное сухое дерево, в глубине сплошь деревья, за
ними видна дорога, за дорогой поля и вдаль деревня. Вечерняя заря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Наркис (за сценой). Тпррру! Чтоб тебя! Куда это я заехал? Вот так чаща! Тут не
то что на лошади, а и пеший не пролезешь! (Выходит.) И каким манером меня
угораздило! Задремал, должно быть. (Останавливаясь.) Это что за избушка на
курьих ножках? Да это сарай! Э! Да я уж в другой сюда попадаю, все на то же
место. Обошел! Дело нечисто! Наше место свято! И как бы, кажется, обойти, не
такие часы теперь, еще совсем светло. Нет, надо так полагать, что я задремал. И
диви бы с ними, с мужиками много пил; а то что! Что я пил? Дай бог памяти! Два
стакана, да полстакана, да две чайных чашки, да еще полчашки, да рюмка. Да что
считать-то! Дай бог на здоровье! Что ж, я слава богу; мне все одно, что воду, да
другому и воды столько не одолеть. А считать-то грех. С того сохнут, говорят,
кто считаное-то... Всего четыре версты от дому, а никак не доеду. Пойду, выведу
лошадь-то на дорогу, да так нахлещу, чтоб мигом дома. А то что за страм! Хозяин
послал за делом, а я пропал; еще подумают, пьян. (Уходит.)

Из леса выходят маршем: Хлынов, на нем, сверх жилета, испанский плащ, на голове
бархатная шапочка с перьями; Аристарх в костюме капуцина; Барин и за ним попарно
люди Хлынова в разных костюмах, между ними Вася; сзади несут две корзины с
напитками и съестным.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хлынов, Аристарх, Барин, Вася и прислуга.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Хлынов (хочет итти на дорогу). Марш!

Аристарх (удерживая его). Погоди, безобразный! Куда ты?

Хлынов. Проехал кто-то, братец ты мой.

Аристарх. Ну, так что ж?

Хлынов. Должен я поглядеть али нет?

Аристарх. Нам из лесу выходить-то еще рано, больно светло. (Смотрит на дорогу.) А кто проехал, я тебе сейчас скажу. Это Наркис, приказчик Курослепова, на хозяйской тележке. Посылали куда-нибудь. Э! Да как его покачивает! Задремал, должно быть! Куда он поворачивает, чудак! Ну, да лошадь сама знает, вывезет на дорогу.

Хлынов. Ты, братец, затеял, ты и порядок заводи.

Аристарх. Вот и стой здесь все! Тут у нас привал будет. Барин, помещик Хлынов, садитесь на скамейку за сараем: там вас с дороги не видно будет. Корзины в сарай несите.

Хлынов. Маркитант, приготовь закуску, чтобы, братец ты мой, в лучшем виде!

Садятся с Бариним на скамью.

Аристарх. Вот теперь расставим людей. Вы двое на бугор, вы двое к мосту, да хоронитесь хорошенько за кусты, – на проселок не надо, там только крестьяне да богомольцы ходят. Вы, коли увидите прохожего или проезжего, так сначала пропусти его мимо себя, а потом и свистни. А вы, остальные, тут неподалеку в кусты садитесь. Только сидеть не шуметь, песен не петь, в орлянку не играть, на кулачки не биться. Свистну, так выходите. (Подходит к Хлынову.)

Хлынов. Что же мы, братец, сидим? Первое твое старание, чтоб мне занятие было. А как скоро мне нет занятия, я могу сейчас в скуку и в тоску впасть. А в тоске и в скуке, братец ты мой, дурные мысли в голову приходят, и даже я могу вдруг похудеть через это самое.

Аристарх. С чего скучать-то! Какая тишина! Не вышел бы из лесу-то, какой вечер чудесный!

Хлынов. Что такое чудесный вечер? И чем он хорош? Можешь ли ты, братец, понимать это? Летний вечер оттого приятность в себе имеет, что шампанское хорошо пьется, ходко, – потому прохлада. А не будь шампанского, что такое значит вечер! Барин, не нарушить ли нам флакончик?

Свист.

Аристарх. Постой! (Свистит.)

Из лесу выходят люди Хлынова.

Тише!

Наркис (за сценой). Тпррр...у! Чтоб тебя! О, волк тебя заешь! Куда меня занесло! Тпррр...у!

Аристарх. Я огляжу пойду. (Подходит к кустам и возвращается.) Это Наркис; он в лесу запутался. (Хлынову.) Вот тебе и добыча!

Наркис (за сценой). Оказия! Никакой силой тут не выдерешься. Придется мне тебя назад за хвост тащить. И куда это я застрял! Надо оглядеться.

Аристарх (людям). Обойдите его кругом, как подам знак, так хватайте и ведите сюда.

Наркис выходит. Люди Хлынова заходят со всех сторон.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Наркис.

Наркис (осматриваясь.) Вот так важно! Сарай! Да я опять тута, в третий раз. Молодец! Ну, не наваждение ли это дьявольское! Нет, уж что ни толкуй, а дело видимое. Вот уж и темнеет, вот уж и страх меня забирает. Он шутит. Он теперь вышел, как начнет темнеть, так ему и выход; засветло не выходит никогда, не положено, не может... Уж пускай бы пошутил, только въявь не показывался. Очень уж, говорят, видом разителен, так что нет такого смелого человека, чтоб на него прямо смотреть! Когда я теперь дома буду? Нет, шабаш! Теперь в поводу поведу, уж не задремлю. Только б он мне навстречу не вышел, а то, кажется, и лошадь бросишь. Нет, уж я теперь дома буду; я неробкого десятку. Ну, само собой, если вот прямо, так перед носом твоим из земли вырастет, так испу... (Идет к лошади.)

По знаку Аристарха один из людей Хлынова загораживает ему дорогу.

А вот он и есть... Вот тебе и раз! Вот он и как тут! Я ведь и в другую сторону поверну и оглядываться не стану. (Идет в другую сторону.)

Другой человек загораживает ему дорогу.

Вот и другой. Однако!

Аристарх выходит из-за сарая и делает знак, чтобы его взяли.

Вот и третий! Да их тут полон лес! Это уж, надо быть, самый настоящий! И хмель у меня соскочил. Кричать аль нет! Да чего кричать! Кроме лешего, никто не откликнется. (Машет рукой на Аристарха.) Наше место свято! (Шепчет.) Не действует! Ну, теперь капут.

Слуги берут его под руки и ведут к Хлынову. Другие приносят вино и стакан.

Барин делает ему знак, чтобы он пил.

Эго, значит, пить надо? Да, может, это зелье какое? Может, с него разорвет?

Барин делает отрицательный знак.

Верно твое слово? Ну, так я, что ж, я выпью. (Пьет. Ему наливают еще.) Стало быть, и еще? Ничего, первый прошел, как быть следует. Я и еще. (Пьет.) Благодарствуйте. Теперь позвольте вас спросить, что вы такое, люди, примерно, аль что другое?

Барин (густым басом). Мы разбойники.

Наркис. Разбойники? Не похоже. На тех-то вы, на не наших-то, не к ночи сказать, ко дню, больше похожи, особливо вот этот. (Указывая на Аристарха.) Ведь это какая страсть-то, особенно в лесу-то да ночью.

Аристарх. Трепещи!...

Наркис. Да уж и то трепещусь. Все во мне трепещется.

Барин. Мы из чужих земель.

Наркис. Да? Наехали? Что ж, вы и смертоубивством занимаетесь?

Барин. Нет.

Наркис. Ну, теперича мне легче. Что ж, это хорошо, что вы душ не губите. А грабите-таки довольно?

Барин. Нет.

Наркис. Как нет? Что ж вы не грабите? Это вы напрасно. Вы из чужих земель, вы нашего народу не знаете. Наш народ простой, смирный, терпеливый народ, я тебе

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru скажу, его можно грабить. И промежду прочим, даже есть много таких, которые не знают, куда им с деньгами деваться. Право. Вот Хлынов, да что ж его не ограбить! Ему еще, пожалуй, лучше от этого.

Хлынов. Как ты, братец мой...

Аристарх (грозно). Молчи!

Наркис (Барину). Вот что, друг любезный, вели еще стаканчик поднести. А то от страха что-то зябнется.

Барин кивает головой.

А уж опосля, что хотите, со мной делайте. У вас и вино-то, должно, привозное; а у нас в торговле такой-то, друг любезный, обман живет. (Подносят – пьет.) Так вы не грабите?

Барин. Не грабим.

Наркис. Что же вы с нами делаете?

Барин. Возьмем, напоим и отпустим.

Наркис. Это очень хорошо. Это расчудесно.

Аристарх. Понравилось?

Наркис. Да чего ж лучше. И не слыхано, да кто и сказал-то бы, так не поверишь.

Барин. Хочешь в нашу шайку, в разбойники?

Наркис. В разбойники? А у вас как положение? Артельно или от хозяина, на жалованьи?

Барин. На жалованьи.

Наркис. Харчи свои али хозяйские?

Барин. Хозяйские.

Наркис. Положение хорошее. Я с превеликим бы удовольствием, да вот что, друг... (Оглядываясь на людей Хлынова.) Что они тут стоят! Прогони их, не бойся, я не уйду. Сядем на траву, я хорошую компанию люблю.

Аристарх дает знак, люди расходятся. Наркис, Хлынов, Барин, Аристарх садятся на землю.

Вот что, друг ты мой единственный, как звать тебя, не знаю... Я бы с охотой... а не пойду.

Барин. Отчего?

Наркис. Мне житье теперь... Мне житье! Малина! Умирать не надо. Что только есть, первый сорт. Хозяин у меня глупый, – вот послал меня с мужиками рядиться, луга кортомим; а я не очень чтоб уважаю. А с хозяйкой я в любви и во всяком согласии.

Аристарх. Не верю.

Наркис. Уж это так точно. Уж что! Даром слова не скажу. И насчет съестного и прочего... все. Вот сейчас приеду... поедем ко мне в гости! Сейчас при тебе потребован) вина, братец, всякого: красного, белого, рому... всякого. И вот сейчас скажу: неси тысячу рублей! Чтоб мигом тут было! И принесет.

Аристарх. Врешь!

Наркис. Истинно! Нешто первый раз! Две принесет, только б ей как у мужа спроворить. Страсть как любит! Говорю тебе, друг ты мой единственный, ужасно как любит, и слов таких нет. Вот недавно две тысячи своими руками принесла. Я

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
сейчас, друг мой единственный, под подушку в ящик... ключом щелк, а ключ на крест.
Вот и нынче, как приеду, велю тысячу принести, – и сейчас в ящик и щелк; потому
я хочу, друг мой любезный, в купцы выходить. Так я себя понимаю, что мне надо. А
вот что, друг милый, мне еще бы..

Аристарх. Видно, ты любишь?

Наркис. Не то чтоб я любил; а как мне, по моим чувствам, это на пользу.

Аристарх. Изволь! Только б охота была, а вина у нас вдоволь. (Подзывает
человека.) Вот они тебе и лошадь помогут вывести. (Человеку.) Попотчуй его
хорошенько. (Тихо.) Потом положи в телегу да проводи до городу. (Наркису.)
Ступай с ним, обиды не будет.

Наркис. Благодарю за компанию. (Уходит.)

Аристарх (Хлынову). Ну, что, доволен ты? Нет худа без добра. Вот нынче же все
это городничему я и объясню, чтоб за него, за плута, невинные люди не страдали.

Хлынов. Хорошо бы теперь, братец, какого благородного, чтоб с ним шампанского
выпить.

Барин. Барышню какую-нибудь воспитанную, институтку!... Я бы сейчас пал на колени
перед ней, и сцену из трагедии.

Аристарх. А вот пойдете на большую дорогу, может, кто и попадетсЯ. А тут что,
тут проселок. Вон, видишь, богомолки идут.

По дороге проходят богомолки.

Хлынов. С этим народом, братец, какое может быть развлечение, одна канитель.

Уходят. Параша и Гаврило показываются на дороге.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Параша и Гаврило.

Параша. Как я устала! Сил моих нет! Я с места двинуться не могу, мне не дойти до
города.

Гаврило. Отдохните, Прасковья Павлиновна; вот тут на полянке присядьте, на
бревнышках. На траву не садитесь, роса. Отдохнувши-то, мы своих догоним, еще
рано. Часу в десятом будем в городе.

Параша. Посидим, не могу итти, не могу.

Гаврило. Вы не то что с дороги, а больше от чувств.

Параша. Я падаю, падаю.

Гаврило. Позвольте, я вас поддержу под локоточек. (Доводит ее до бревен.)

Параша. Я только устала, а мне, помолившись-то, как будто легче. Как мне тебя
благодарить, я не знаю. Кабы не ты, мне бы не дойти.

Гаврило. Что ж, мне ведь самому надо было...

Параша. Нет, не говори, я знаю, что ты только для меня пошел. Как у меня голова...
руки и ноги точно не свои, и как будто забытье. И в голове-то шум, а ничего у
меня не болит, и так мне хорошо, приятно, только как будто вот что-то мне
представляется, – что такое? Гудит, гудит, точно вот речка по камням, или
мельница... Дурно мне, Гаврюша, дурно!

Гаврило. Да что вы, родная! Я пойду водицы принесу, тут где-то ключик был.

Параша. Поди, поди!

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Гаврило идет, в разных местах свист. Он бежит назад.

Гаврило. Свистят.

Параша. Что ты? Не слышу.

Гаврило. Свистят по лесу.

Параша. Ну, что ж, шалют... Поди.

Гаврило отходит. В это время свист усиливается. Из кустов выходит Барин и, заметив Парашу, подбегает к ней, она на него с испугом смотрит. В нескольких местах показываются люди Хлынова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Барин и люди Хлынова.

Барин. Красавица! Наконец-то я нашел тебя. (Берет ее за руку.)

Параша хочет бежать, но силы ее оставляют. Барин ее поддерживает, обняв ее одной рукой.

Гаврило (схватив большую суковатую палку, бросается на Барина). Не трожь ее! Я умру на этом месте, а тронуть ее не позволю.

Барин стреляет из пистолета, Гаврило падает.

Параша. Ах, убит, убит! (Закрывает лицо руками.)

Гаврило (приподнимаясь и ощупываясь). Нет, я словно жив. Это я, надо полагать, с испугу. Оглушило только! Что ж это, господи! (Встает.)

Барин делает знак, набегают люди и уносят Гаврилу.

Барин. Ты меня не узнаешь? О, я давно люблю тебя. Зачем ты сделала меня несчастным? Я бросил людей, бежал в леса и набрал шайку разбойников. Наконец ты в моих руках. Ты будешь моя. О!..

Параша (делает усилие, чтобы оттолкнуть его). Нет, нет! Вася, Вася!

Барин. Хочешь парчи, хочешь бархату, бриллиантов? Все твое! Только люби меня.

Параша (стараясь освободиться, но силы ее слабеют). Ах, нет, нет! Не надо, ничего не надо! Пусти меня! Пожалей... Прошу тебя, молю тебя, пожалей меня. (Почти шопотом.) Я не своя теперь. Я чужая, я Васина... Вася! Вася! (Лишается чувств.)

Барин сажает ее на скамью у сарая и поддерживает. Входят Хлынов и Аристарх.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Параша, Барин, Хлынов, Аристарх и люди Хлынова.

Хлынов. Что за стрельба?

Барин. Идите скорей! Какую я красавицу обрящил! Да, должно быть, испугалась очень, надо ей помочь как-нибудь.

Хлынов. Девка, братец, первый сорт. Одобряю.

Аристарх (подбегая). Ах вы, варвары! Да ведь это крестница моя, Параша, Курослепова дочь. (Хлынову.) Пошли скорей за коляской, я ее домой свезу!

Хлынов посылает одного из своих людей.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Уж и ты, барин, нашел кого обидеть! Ума-то у тебя, видно, как у малого ребенка. Подайте ее сюда, разбойники, она вам, пьяницам, не пара! Далеко вам, далеко! (Садится на скамью подле Параша и обмахивает ее платком.) Воды!

Люди бегут за водой.

Как вы смели трогать-то ее своими грязными лапами! Она, как есть, голубка; а вы мало чем лучше дьяволов. Вот она, шутка-то! И я-то, дурак, тешить вас взялся! Пора мне знать, что у вас ни одной шутки без обиды не обходится. Первое ваше удовольствие – бедных да беззащитных обижать. (Приносят воды, он льет ей несколько капель на голову.) Уж эта ли девушка не обижена, а тут вы еще. Дома ее заели совсем; вырвалась она кой-как,

Параша понемногу приходит в чувство и прислушивается.

пошла богу помолиться, у него защиты попросить... Так отец, с сонных-то глаз, по мачехину наученью, давеча поутру велел городничему изловить ее да на веревке, с солдатом по городу провести для страму; да в чулан дома запрут ее на полгода, а то и на год.

Параша (привстает и как бы в бреду). По городу с солдатом? В чулан? Где он? Где атаман? Пойдем! Вместе пойдем! И я с вами...

Барин и Аристарх. Куда? Куда?

Параша. В город, в город. Я сама... (С криком.) Не ругаться им надо мной! Не сидеть мне в чулане! Зажгу я свой дом с четырех углов. Пойдите! Я вас проведу, я вас прямо проведу. Дайте мне в руки-то что-нибудь!... Ружье... да огня, больше огня. (Обессиливает.)

Аристарх. Параша! Что ты! Бог с тобой! Да ведь это я, твой крестный. (Снимает капюшон.)

Параша (смотрит на него). Крестный?

Аристарх. Да, да, крестный! Аристарх. Узнала теперь? Мы шутим. Это вот подрядчик Хлынов! Слышала? Безобразный такой. Нечего ему делать-то, а денег много, вот он и забавляется.

Параша. А Гаврило где?

Аристарх (оборачиваясь). Где Гаврило?

Один из людей. Он вырвался от нас да убежал.

Аристарх. Вот теперь прибежит, перемутит весь город, ну, да мы на лошадях-то раньше его будем. А знаешь ли, Параша, Хлынов Васю из солдатства выкупил.

Параша. Выкупил?

Хлынов. Четыреста серебра внес.

Аристарх. Да где Вася-то? Он с нами был.

Хлынов. Где Васька? Позвать сюда Ваську!

Вася выходит из рощи.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Вася.

Параша. Вася! Вася! (Бросаемся к нему на шею.)

Вася. Что ты? При народе-то нехорошо.

Параша. Ты на воле?

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Хлынов. Я его теперича к себе в песельники определил.

Параша (отступая). В песельники?

Вася. Что ж, надо чем-нибудь заниматься, хлеб добывать.

Хлынов. Я его теперича в кабалу взял за эти самые деньги на год.

Параша (с испугом). В кабалу?

Аристарх. Вот чем похвалился! Благодетель! Из людей шутов делает.

Хлынов. А хоть бы и шутов, братец ты мой. Кто же мне может запретить? Он человек несостоятельный; я за свои деньги в какую угодно должность, в такую его и определяю, стало быть, ему самому нравится. В шуты нанялся, шутом и будь. Васька, знай свою дистанцию! На задний стол! Барышня, угодно вам, мы вас потешим? Сейчас могу скомандовать веселую. Эй, народы! Васька, бери бубен, делай колено!

Вася отходит.

Параша (со слезами). Вася! Вася!

Вася (подходя к ней). Что тебе?

Параша (со слезами). Вася, зачем ты деньги брал?

Вася. Что ж, в солдаты?...

Параша. Да, да. Я уж и помолилась... Я решилась. Да, да, в солдаты... Обидно, да зато честно это... Ведь решились мы; ведь уговорились; ты хотел... Разве ты... разве ты...

Хлынов. Васька, знай свое место!

Вася отходит.

Параша. Разве ты... струсил?

Васе подадут бубен, он его берет молча.

Отвечай! Отвечай мне! Струсил ты? Обробел?

Вася с сердцем встряхивает бубном.

Такой красивый, такой молодец и струсил. С бубном стоит! Ха, ха, ха! Вот когда я обижена. Что я? Что я? Он плясун, а я что? Возьмите меня кто-нибудь! Я для него только жила, для него горе терпела. Я, богатого купца дочь, солдаткой хотела быть, в казармах с ним жить, а он!... Ах, крестный! Трудно мне... духу мне!., духу мне надо... а нет. Била меня судьба, била... а он... а он... добил. (Падает к Аристарху на руки.)

Аристарх. Лошадей проворней! Дай бог только живую довести! Бедная ты, бедная мученица.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЛИЦА:

Курослепов.

Матрена.

Параша.

Силан.

Наркис.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Градобоев.

Аристарх.

Гаврило.

Вася.

Сидоренко.

Жигунов.

Рабочие и будочники.

Декорация первого действия. 10 часов вечера.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Матрена сходит с крыльца и идет по двору. Курослепов несколько времени спустя выходит на крыльцо, у ворот Силан.

Курослепов. Матрена!

Матрена. Что еще! Нянчись с ним, как с маленьким. Проснулся, видно, продрал глаза-то.

Курослепов. Поди сюда!

Матрена (возвращаясь). Ну?

Курослепов. Что ты меня одного покидаешь! Ночное дело...

Матрена. А ночное дело, так спи! Чего еще?

Курослепов. Спать-то бы оно точно... да меня сумление... где Наркис?

Матрена. Не печалься, найдется. Наркис не иголка; ту потеряешь, так не скоро сыщешь.

Курослепов. Какой же такой порядок? Как же он может! Стало быть, его гнать надобно по шее. По хозяйскому делу послан, опять же я ему наказывал...

Матрена. А если он дома?

Курослепов. Для чего не кажется?

Матрена. А коли он спит! Человек он тоже или нет?

Курослепов. Значит, он не в своем виде.

Матрена. А ты давеча в своем виде приехал от Хлынова? Впереди тебя человек сидит да за плечи держит. Днем-то так, по городу.

Курослепов. Так всякий знает, что я хозяин. А он что?

Матрена. Каков хозяин, таковы и люди. С кого им пример-то брать, как не с хозяина.

Курослепов. Что ты меня морочишь! Я еще не совсем из ума-то выжил. Кого за делом посылают, должен он ответ дать? Говори, должен?

Матрена. Разве завтра для вас дня-то не будет! Наговоритесь. Авось дело-то не государственное.

Курослепов (со страхом). Матрена! Матрена!

Матрена. Что с тобой?

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Курослепов. Смотри кверху! Гляди сюда!

Матрена. Ох! Как ты, Павлин Павлиныч, вдруг женщине! Ведь ты как испугать можешь! Наше дело такое слабое, что ото всякой малости мало ль что! Ты меня таким манером когда-нибудь уродом сделаешь. Вот упало сердце. Чуть жива стою, вся как пустая.

Курослепов. Гляди ты кверху, говорят тебе!

Матрена. Зачем?

Курослепов. Падает?

Матрена. Что падает-то, оглашенный человек?

Курослепов. Небо.

Матрена. Ну, будет! Поговорил, и будет. Ступай спать! Мочи моей нет с тобой! Связать тебя да в сумасшедший дом! Как может небо падать, когда оно утвержденное. Сказано: твердь! Ступай спать! Ступай без разговору. Минуты с тобой покою нет.

Курослепов (уходя). А спать, так спать. Я пошел!

Матрена. Ты что это в сапог-то прячешь?

Курослепов. Деньги.

Матрена. Много ли?

Курослепов, Доложить рубль, так шестьсот сорок будет.

Матрена. Потеряешь из сапога-то, а потом опять историю заведешь.

Курослепов. Нет, уж я теперь их, знаешь куда? В спальне мешочек с орехами, так я их под орехи, под самый под низ, пушай до завтраго. Там целей, в орехах-то! (Уходит.)

Матрена. Силантий!

Силан (подходя). Чего тебе?

Матрена. Что Наркис?

Силан. Ничего, образумился. Причесывается теперь.

Матрена. Где это он?

Силан. Мало местов-то? Была б охота! С мужиками торговался, со всем миром.

Матрена. Так что ж?

Силан. То ж. У мужиков-то ни этой думы, ни сенату не выстроено, одно строение только и есть, где мирские дела судят.

Матрена. Так вот что!

Силан. А то что же? Заведен порядок, не менять его стать. Ну, значит, суди сама, ежели кто падок. Да вот он, Наркис-то. (Отходит от Матрены и потом уходит за ворота.)

Выходит Наркис.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Матрена и Наркис.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Матрена. Что, беспутный! Что, беспутный! Вот погоди, достанется тебе от хозяина.

Наркис. Не больно страшно. Ты меня не пугай! Я нынче и не такие страсти видел, да не испугался. Вот тебя бы на этакую страсть, посмотрел бы я, что ты заговорила. Тут на одном такие сапоги были, что у тебя от одних от сапог-то душа бы в пятки ушла. А уж какие шляпы! Да всё с перьями. А у одного мешок на голове, суконный.

Матрена. От такого загулу мало ль что приснится. Дня на два рассказывать будет.

Наркис. Ну, уж это я знаю, приснилось мне или нет. Оно хоть я и не больно испугался, а все меня как будто ломает; мне теперь поправка хорошая нужна.

Матрена. Какая поправка?

Наркис. Рому бутылка, а то две... На ночь я теплого.

Матрена. Ты липового цвету лучше.

Наркис. Ври еще! Ромашки не выпить ли? Очень нужно сырость-то эту в животе заводить. Сказано тебе, рому. Я свою натуру лучше знаю.

Матрена. Где ж я возьму?

Наркис. Ищи поди! Не найдешь впотьмах, так фонарь зажги.

Матрена. Этакого ирода, как ты, еще свет не создавал.

Наркис. Да уж ты, кстати, с ромом-то захвати для меня тысячу рублей; по моим расчетам, у меня теперь ровно тысячи нехватает.

Матрена. Ни, ни, ни! Ни под каким видом! И не заикайся!

Наркис. Я и то не заикаюсь, я тебе явственно говорю. А то я тебя и на порог к себе не пушу. А завтрашнего числа, как буду хозяину отчет отдавать, все твои дела ему, как на ладони.

Матрена. Не я ль твою образину кругом благодетельствовала! И тебе не жаль свою благодетельницу?

Наркис. Который я раз тебе говорю, что во мне жалости нет. Ты на мою жалость и не уповай никогда.

Матрена. Ох, погубитель! погубитель!

Наркис. Вот что, ты тише, не делай страму прежде времени.

Матрена. Где я столько денег возьму?

Наркис. Ну, ежели малость чего нехватит, я прощу.

Матрена. Да как я к тебе приду-то? Ну, как Силантий увидит?

Наркис. А ты вот что: возьми у мужа кафтан либо шинель, да и надень, а на голову шляпу. Силантий ежели хоть и увидит, так подумает, что сам хозяин идет ко мне, браниться. А я пойду самовар поставлю, чтобы мне теплого...

Уходит во флигель, Матрена в дом, Силан выходит из ворот.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Силан, потом Матрена.

Силан. Врозь разошлись. Диковина! А городничий дожидается. Пойти сказать ему, чтоб шел домой! Полно, мол, тебе по ночам-то! Иди, мол, старичок убогонький, домой! Тоже ведь и их дело! Как не пожалеть! Обыватель теперь спит, а он его

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru береги. А кого беречь-то? Кого? Да еще взыскивают. То не усмотрел, другое оплошал. Ишь ты, обывателю покой нужен. А для чего ему покой? Что он трудился, что ли, через силу? Напился, наелся, да и на пуховик, как чурбан али пень какой. Службы он никакой не нес, походов из конца в конец не ломал, смертной чаши не видывал; лежит как боров, да говорит: ты меня от всякой напасти соблюдай! Нет, кто как, а мне нашего старика жаль. Первое дело – старый, уродованный...

Выходит Матрена в шинели и шляпе.

Что за диво! Хозяин вышел! Очень мне это удивительно, потому в эту пору разве его только рычагом или на блоке, а то не подымешь. (Подходит к Матрене.) Что тебе! Аль не спится? Ты будь без сумления, я тут.

Матрена (переменив голос). Ступай за ворота! Чего ты здесь не видал!

Силан. Приказываешь за ворота? Были мы и за воротами.

Матрена. Ступай, говорят тебе!

Силан (про себя). Эге! Вот оно что! (Матрене.) Иду, иду, хозяин; всю ночь буду у калитки сидеть, – оставайся с усвоением. (Идет к воротам.)

Матрена входит к Наркнсу.

Нет, шалишь! Не обманешь. Коротко шагаешь, ноги спутаны. Что у нее в руках-то? Какой-то мешочек; должно, орехов Наркису несет, позабавиться. (Подходит к калитке и отворяет ее.)

Входят Аристарх и Параша.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Силан, Аристарх, Параша.

Силан. Ты какими судьбами?

Аристарх. Сорока на хвосте принесла. Прошла?

Силан. Кто? Ступай, брат, ступай. Твоего тут дела никакого. Коли что есть, мы с хозяином промеж себя. Не в трубу нам трубить.

Аристарх. Не ломайся со мной! Меня городничий прислал, я с ним за добросовестного.

Силан. Ну, так бы ты и говорил! Прошла, братец, прошла. (Параше с поклоном.) Помолимшись!

Параша. Бог милости прислал, дядюшка Силантий.

Аристарх (Параше). Ну, иди, красавица, в свое гнездышко, ничего не бойся, душой своей отвечаю. Будет беда, да только не тебе. На отца не гневись: он не столько со злобы, сколько от слабости. Что делать! Ночная кукушка денную перекукует. А злодейке твоей мы, – бог даст, – язык-то прищемим.

Параша уходит в дом.

Силан (громко). Посматривай!

Входят Градобоев, Вася, Сидоренко, несколько будочников и инвалидных солдат.

Градобоев (Сидоренке). Расставляй команду к окнам, к дверям и к воротам, чтоб муха не пролетела. Хо, хо, хо! У меня пропажа не находится! Пропажа не находится! Вот я ему покажу, как не находится. Я ему найду, утку его носом в деньги-то. Смотри, скажу, смотри! Не находятся? Видишь ты теперь? А вот, чтоб ты не обижал старых, заслуженных офицеров, я эти денежки теперь в карман. Сидоренко, бумаги с тобой, постановление писать?

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Сидоренко. Со мной, ваше высокоблагородие.

Градобоев. Понятые здесь?

Сидоренко. За воротами сидят, ваше высокоблагородие.

Градобоев (Силану). Теперь ты вам хозяина подавай!

Силан. Будить, что ли? Да что в нем проку-то? Он спросонков у нас, как чумовой!

Курослепов выходит на крыльцо.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Курослепов.

Силан. Да вот он сам... Теперь, что хочешь с ним...

Курослепов (на крыльце). Вот тебе и орехи! Матрена! Матрена, не видала ль ты, где орехи? (Взглянув наверх.) О, господи! Опять валится. Вот, вот... Нет, не валится, а точно оно пополам расколосось...

Силан (Градобоеву). Слышите, что говорит.

Курослепов. Матрена! Силан! Эй! Кто тут живые люди!

Матрена показывается из двери флигеля.

Сидоренко (загораживая ей дорогу). Не велено!

Матрена. Ай! (Уходит во флигель.)

Курослепов. Ну, режут кого-то. Вот тут и живи, как знаешь. В доме грабеж, а на дворе и вовсе разбой; видимое дело, что последние дни; в небе трещина с чего-то.

Градобоев. Будет тебе предсказывать-то! Поди сюда, мы давно тебя ждем.

Курослепов. Да ты что за человек?

Градобоев. Слезай, говорят тебе! Проклажаться-то некогда.

Курослепов. А! Да это ты! Ну, мне теперь все-таки облегчение. А у меня, брат, опять... Весь мешок и с орехами.

Градобоев. Найдется.

Курослепов. Да, вот ты все, – найдется, а ничего не находится. На посуле-то вы...

Градобоев. Ну, так ты знай же: твои деньги нашлись, только взять их мудрено.

Курослепов. Отчего так?

Градобоев. А вот сам увидишь! Пойдем вместе.

Курослепов. Пойдем.

Градобоев. Жигунов, бери команду. Марш вперед!

Жигунов и несколько солдат маршируют к флигелю.

Курослепов. Постой!

Градобоев (Жигунову). Стой!

Жигунов останавливается.

Курослепов. Вот что я у тебя хочу спросить, чтоб уж мне покойней было... Гляди

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
наверх.

Градобоев. Гляжу.

Курослепов. Лопнуло небо? Так немножко наискось?

Градобоев. Да я-то что, астроном, что ли? У меня и без того дела-то по горло. Лопнуло, так починят. Нам-то какое дело! Марш!

Дверь во флигель отворяется, на пороге показывается Матрена в шинели и шляпе.

Сидоренко (не пуская ее). Не велено.

Курослепов. Вот она когда смерть-то моя! Уж каких чудес со мной ни делалось, а этого еще не бывало. Нет уж, видно, друг ты мой, сколько мне ни маяться, а не отвертеться. Потому, гляди! Вот здесь с тобой я, а вон там, на пороге, опять тоже я.

Матрена, увидав мужа, скрывается во флигель.

Градобоев. Еще то ли увидишь, погоди! Марш!

Жигунов с солдатами уходит во флигель. Градобоев и Курослепов за ними.

Аристарх (Васе). Теперь твое дело, Василий, поправляется.

Вася. Да уж теперь я строго, потому не смей он порочить! Я с него за бесчестье... Он меня в солдаты, а я, по его милости, должен был в кабалу итти. Уж я теперь за все это его дочь могу требовать смело. Мы хоть люди маленькие, а нас тоже марать-то зачем же! Нет, уж теперь дочь подавай. Все знают, что я к ней через забор лазил, в городе-то не утаишь. Ну, стало быть, я ей и жених! У нас такой порядок.

Аристарх. Действуй, братец, как тебе к лучшему!

Вася. Какой у меня, дядюшка Аристарх, характер! Беда! Тоже в обиду не дадимся.

Из флигеля выходят Градобоев, Курослепов, Матрена, Наркис связанный, Жигунов и солдаты.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Градобоев, Курослепов, Матрена, Аристарх, Вася, Сидоренко, Жигунов, Силан, Наркис, солдаты.

Градобоев (Курослепову). Понял ты теперь? Курослепов. Как не понять, я не вчера из пеленок-то. Ну, так как же, Матрена Харитоновна?

Матрена. Разве я своей волей? Известное дело, враг попутал. Так на него на одного всю вину положить и надо. Смущал он меня, смущал, да вот и, ... Как я ему ни противилась, как себя ни утверждала, да, видно, силен... Горами качает, не то что нами, грешными, которые в слабости.

Курослепов. Да? Горами... Вы вчера нам тут проповедывали, что у тятеньки вам не в пример лучше, что там очень по вас убиваются; так уж вы теперича к нему поступайте!

Матрена. Да уж конечно. Должна же я кому-нибудь на вас плакаться. Кто за меня здесь заступится! По крайности я буду жаловаться родителю, что вы меня острамили. Как вы были всю жизнь моим злодеем, так чего же еще мне от вас дожидаться. А что еще у нас с вами судбище будет большое.

Курослепов. Ничего не страшно. Вам бы от стыда теперь нос-то в подушки спрятать покудова, а завтра мы вас чем свет препроводим.

Матрена уходит.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Градобоев. Ну, вот и ладно, вот и молодец.

Курослепов (Наркису). Ты это как же?

Наркис. А вот так же.

Курослепов. Ведь тебя теперь не похвалят.

Наркис. Ну, там еще что будет, а я по крайности пожил в свое удовольствие. Жаль, что я давеча в разбойники не пошел! Это настоящее мое занятие.

Градобоев. Ну, так как же с ним? Постановление сделать да порядком дело начать?

Курослепов. Вот еще, нужно очень бумагу-то марать. Вели свести его в арестантскую, заместо Васьки отдадим в солдаты, и шабаш.

Градобоев. Сидоренко, сведи в арестантскую, да распусти понятых. Эй вы, воины! Марш домой.

Уходят и уводят Наркиса.

Вася. Что ж, в самом деле! За что ж вы на меня, коли я выхожу правый человек. Обижать-то нешто хорошо!

Курослепов. И то, брат, виноват! Больно поторопился. В солдатах-то тебе быть, только не сейчас. Ну, что ж, коли ты правый человек, так погуляй немножко, покуда очередь не дошла.

Градобоев. Ну, деньги твои у меня, мы с тобой их завтра разделим. Помнишь разговор, помнишь обиду; мы с тобой посчитаемся, а теперь хорошо бы после трудов-то горло промочить, находку sprysnut'.

Курослепов. Дядя Силантий, вели-ка поди нам шипучего подать.

Силан уходит.

Градобоев. Вот теперь ты будешь жить порядком, хозяйничать у тебя будет дочь, да возьми зятя хорошего в дом.

Курослепов. Дочь! Дочь-то сбежала.

Градобоев. Это ты во сне видел.

Курослепов. Ну, вот еще!

Аристарх. Во сне, ваше степенство.

Курослепов. Толкуйте!

Силан входит.

Где дочь?

Силан. Где ж ей! Известно, дома.

Выходит Параша с бутылкой вина и стаканами на подносе.

Да вот она вино несет.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Параша.

Курослепов. Постойте! (Отводит Градобоева в сторону.) Вот что, будь друг, слезно я тебя прошу, скажи мне по душе, вовсе я рехнувшись, или еще во мне какая искра теплится? Если я вовсе, так уж вы лучше меня за решетку, чтоб я меж людей не путался.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Градобоев. Погляди-ка на меня! Нет, еще рано за решетку, еще погуляй. Я тогда тебе скажу.

Курослепов. Ну, ладно. (Параше.) Обноси гостей-то! Привыкай к хозяйству.

Параша наливает стаканы и подает Аристарху.

Вот и видно, что дура. Ты по чину обноси!

Параша. Чинов ваших я не знаю; а тому прежде и подаю, кто меня больше любит. Коли я хозяйка, так уж ты меня не учи. (Подносит Градобоеву.)

Градобоев (пьет). Право, брат, отдай ее замуж, пора; по всему вижу, что пара.

Параша подносит отцу.

Курослепов. Хочешь замуж?

Параша. Отчего ж не пойти! Только я тебе наперед говорю, – чтоб у нас брани не было! Отдавай меня за того, кого я сама люблю. А уж ты меня не неволь! А то ежели я выду против воли да с моим сердцем, так добра не жди.

Градобоев. Вон она какая! Говорю, отдавай поскорей!

Сильный стук в ворота.

Силан. Кого там еще! (Отпирает.)

Вбегает Гаврило.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Гаврило.

Гаврило (не замечая Парашу). Батюшки! Мочи моей нет! Павлин Павлиныч! Ох, задохся! Вот беда-то!

Курослепов. Да ты с виселицы, что ль, сорвался?

Гаврило. Хуже! Ведь отняли, из рук отняли.

Курослепов. Что?

Гаврило. Дочку-то вашу, родную-то, Прасковью Павлиновну! Я к ней, а он в меня раз из пистолета. Да что мне! Я б рад за нее жизни решиться, – да не убил, не убил.

Курослепов. Вижу, что не убил.

Гаврило. Две деревни обивал, весь лес обыскали, – нету, похитил. Вот из рук, из рук... Батюшка, Павлин Павлиныч! (Кланяется.)

Курослепов. Что мне теперь с ним? Разве водой попробовать из ушата?

Гаврило. Батюшки мои! Родные! На грех она меня взяла-то, дурака! Что для меня дороже-то всего на свете, что я берег-то пуще глазу... целый день, кажется, вот всякую пылинку с нее сдувал, – а тут вдруг ее у меня...

Курослепов. Ну, Гаврилка, видно, нам с тобой на одной цепи сидеть!

Гаврило. Простите вы меня, ради бога! Я только сказать-то забежал, а то мне уж один конец... С мосту, с мосту! С самой середины с камнем. Простите меня, православные, ежели я кого чем... (Увидав Парашу.) Ах! (Хочет бежать.)

Силан (останавливает). Постой! Куда ты? Уж это шалишь, теперь на мост!... Да что за напасть! И не пуцу... И не просись лучше. Ничего в этом хорошего, уж поверь ты

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
мне.

Аристарх подходит к Гавриле и шепчет ему на ухо.

Параша. Ничего, пройдет. Это он с горя, что ему от места отказали. (Подносит Градобоеву и отцу вино.) Пожалуйте!

Курослепов. Ты бы нам еще бутылочку.

Параша. Сейчас подадут. Дедушка Силантий! Возьми из сеней бутылочку.

Силан уходит.

А вот я давеча начала говорить, да не кончила. (Отцу.) Уж ты мне дай слово крепкое, что за немилото неволить не станешь.

Градобоев. Да, а мы свидетелями будем.

Курослепов. Да по мне хоть сейчас. Ну, скажи, кто тебе люб, за того и ступай.

Параша. Кто люб-то мне? Сказать разве? Изволь, скажу! (Берет Васю за руку.) Вот кто мне люб.

Гаврило (утирает слезы). Ну, вот и слава богу!

Вася. Да, уж ты теперь прямо говори.

Параша. Я прямо и буду говорить. (Отцу.) Вот как мне люб этот человек: когда ты хотел его в солдаты отдать, я и тогда хотела за него замуж итти, не боялась солдаткой быть.

Гаврило. Вот и хорошо, все благополучно.

Параша. А теперь, когда он на воле, когда у меня и деньги, и приданое будет, и мешать-то нам некому...

Гаврило. Ну, и дай бог!

Параша. Теперь бы я пошла за него, да боюсь, что он от жены в плясуны уйдет. И не пойду я за него, хоть осыпь ты меня с ног до головы золотом. Не умел он меня брать бедную, не возьмет и богатую. А пойду я вот за кого. (Берет Гаврилу.)

Гаврило. Нет, нет-с. Вы ошиблись. Не то совсем-с.

Параша (отцу). Не отдашь ты меня за него, так мы убежим да обвенчаемся. У него ни гроша, у меня столько же. Это нам не страшно. У нас от дела руки не отвалятся, будем хоть по базарам гнилыми яблоками торговать, а уж в кабалу ни к кому не попадем! А дороже-то для меня всего: я верно знаю, что он меня любить будет. Один день я его видела, а на всю жизнь душу ему поверю.

Гаврило. Да невозможно, помилуйте, что вы!

Параша. Отчего же?

Гаврило. Какой я вам жених! Нешто я настоящий человек, такой же, как и все.

Параша. Как же не настоящий?

Гаврило. Так-с, я не полный человек. Меня уж очень много по затылку как спервоначалу, так и по сей день; так уж у меня очень много чувств отшибено, какие человеку следует. Я ни ходить прямо, ни в глаза это людям смотреть, – ничего не могу.

Градобоев. Ничего. Понемножку оправисься.

Курослепов. Ну, что ж, выходи за Гаврилку. Все ж таки у нас в доме будет честней, чем до сих пор было.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Параша. Вот, батюшка, спасибо тебе, что ты меня, сироту, вспомнил. Много лет прошло, а в первый раз я тебе кланяюсь с таким чувством, как надо дочери. Долго я тебе чужая была, а не я виновата. Я тебе с своей любовью не навязываюсь, а коль хочешь ты моей любви, так умеи беречь ее. Крестный, мы тебя возьмем в приказчики на место Наркиса. Переезжай к нам завтра.

Силан приносит вино.

Курослепов. Ты уж меня и не спрашиваешь.

Параша. Чего не знаю, так спрощу, а что сама знаю, так зачем спрашивать.

Курослепов. Да ну, хозяйничай, хозяйничай!

Параша (подавая вино.) Пожалуйте!

Градобоев. Поздравляй жениха-то с невестой!

Курослепов. Что ж, детки, дай вам бог счастливей нашего.

Гаврило. Покорнейше благодарим-с. (Параше.) Да неужто вправду-с?

Градобоев. Уж теперъ запили, значит, дело кончено.

Курослепов, Сколько в нынешнем месяце дней, 37 или 38?

Градобоев. Вона! Что-то уж длинен больно.

Курослепов. Да и то длинен.

Градобоев. Да что считать-то! Сколько дней ни выйдет, все надо жить вплоть до следующего.

Курослепов. Да, само собой, надо; а несчастлив он для меня. Каков-то новый будет? Чего-то со мной в этом месяце не было! Пропажа, долгов не платят; вчера мне показалось – светопреставление начинается, сегодня – небо все падает, да во сне-то раза два во аде был.

Градобоев. Сподобился?

Параша. Ну, гости дорогие, отцу, я вижу, спать пора, уж он заговариваться начал.

Градобоев. Ну, прощай! Когда сговор?

Параша. А вот позвольте нам убраться немного, мы приглашения разошлем. Прощай, крестный! Прощай, Вася! Ты не сердись, навещай нас.

Все уходят.

(Отцу.) Ну, прощай, батюшка! Спи, господь с тобой! А я теперъ дождалась красных дней, я теперъ всю ночьку на воле просижу с милым дружкой под деревцем, потолкую я с ним по душе, как только мне, девушке, хочется. Будем с ним щебетать, как ласточки, до самой ясной зореньки. Птички проснутся, защебечут по-своему, – ну, тогда уж их пора, а мы по домам разойдемся. (Обнимает Гаврилу, садятся на скамью под дерево.)

Комментарии «ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ»

Печатается по тексту журнала «Отечественные записки», 1869, № 1, исправленному по рукописи, хранящейся в Театральной библиотеке имени А. В. Луначарского (в Ленинграде).

«Я теперъ, – писал Островский Бурдину в октябре 1868 года, – занят большой пьесой „Горячее сердце“, которую кончу в ноябре».

Закончив пьесу, Островский послал ее в «Отечественные записки», где она и была

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru впервые опубликована в № 1 журнала за 1869 год.

Острая сатирическая направленность комедии сильно затрудняла ее прохождение через цензуру, и Бурдин, чтобы добиться разрешения на постановку, вписал в афишу, что «действие происходит лет 30 назад».

«Дела твои, – извещал Бурдин драматурга 1 января 1869 года, – пока все справлены, вчера был доклад в цензуре твоей пьесы – и она прошла целиком, хотя я побоялся за городничего, которого вполне цензора боялись пропустить, основываясь на том, что нигде и не из чего не видно, что действие происходит 30 лет тому назад, поэтому я и вписал о сем в пьесу, да сверх того просил Лазаревского поддержать в Совете и сейчас получил известие, что все кончилось благополучно» (А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма, 1923, стр. 86).

Реакционные критики, встретив новую пьесу Островского ожесточенными нападками, усматривали в ней якобы карикатурное изображение действительности, пытались снизить значение этой самобытной пьесы путем установления различных литературных влияний, будто бы испытанных Островским.

4 января 1869 года комедия была допущена к представлению.

Первая постановка пьесы состоялась 15 января 1869 г. в Московском Малом театре, в бенефис П. М. Садовского.

Роли исполняли: П. М. Садовский – Курослепова, Акимова – Матрену Харитоновну, Федотова – Парашу, А. Ф. Федотов – Силана, В. Живокини – Градобоева, Дмитревский – Хлынова, Шуйский – Аристарха, Д. Живокини – Наркиса, Музиль – Гаврилу, Третьяков – Васю Шустрого, Константинов – Барина, Никифоров – Сидоренко.

В газетных рецензиях реакционной и либеральной прессы утверждалось, что исполнение было слабым и спектакль не имел успеха (см., напр., «Современную летопись», 1869, № 4). Островский через несколько лет, вспоминая об этом спектакле, указывал: «Газетные корреспонденты писали... будто „Горячее сердце“... в Москве не имело успеха, но это ложь явная: пьеса имела успех, и имела его crescendo, чем дальше, тем больше. Я за болезнью мог видеть только 12-е или 13-е представление (уже не помню), и вот как его принимала публика: отдельно вызывали после каждого акта и даже после некоторых сцен по нескольку раз: Садовского, Федотову, Музилю, Живокини, Дмитревского, Шуйского, Акимову, – кроме того, по окончании актов и всей пьесы по нескольку раз вызывали всех. Это ли называется неуспехом?» (А. Н. Островский, Записка об авторских правах драматических писателей, Сб. «О театре», 1947, стр. 50.)

Л. Н. Толстой, присутствовавший на этом спектакле, 17 января писал, что пьеса «играна прекрасно» («Письма Л. Н. Толстого к жене», 1915, стр. 73).

29 января 1869 года представление комедии «Горячее сердце» состоялось в Петербурге, в Александрийском театре, в бенефис Ю. Н. Линской.

Роли исполняли: Васильев 2-й – Курослепова, Линская – Матрену Харитоновну, Струйская – Парашу, Зубров – Силана, Самойлов – Градобоева, Бурдин – Хлынова, Зубов – Аристарха, Горбунов – Наркиса, Калугин – Гаврилу, Сазонов – Васю Шустрого, Степанов – Барина.

Этот спектакль оказался неудачным, в особенности же неудачной была его премьера. Воспользовавшись этим обстоятельством, реакционная пресса не преминула выступить с грубейшими выпадами против самого драматурга.

Неуспех петербургской постановки «Горячего сердца» Островский переживал очень тяжело. «Кто не испытывал падения, – писал он впоследствии, – для того переживать его – горе, трудно переносимое. Такое горе со мной случилось было в первый раз в жизни в 1869 году в Петербурге при первом представлении комедии „Горячее сердце“».

После неудачи постановки «Горячего сердца» на сцене Александрийского театра драматург с горечью писал: «...Теперь иные пьесы для их доброй славы лучше совсем не отдавать на петербургскую сцену. Я уже не от одного человека слышал, что „Горячее сердце“ много бы выиграло, если бы не шло на петербургском театре.

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Кроме того, что талантов для народных пьес мало и о приобретении их не заботятся, самая постановка (если автору не случится ставить самому) отличается такой небрежностью и неумелостью, что видевшие пьесу на одной столичной сцене, на другой с трудом узнают ее. А наша публика еще такова, что она недостатки исполнения всегда сваливает на автора. Мне горько, а надо признаться, что иногда столичное исполнение бывает ниже бедного провинциального исполнения. Чего же ждать мне? Понятно, что пьеса, изуродованная артистами и постановкой, много доходу принести не может, да еще впереди будет удовольствие: после 20 лет постоянных успехов дожидаться позорного падения пьесы, глубоко задуманной и с любовью отделанной» (А. Н. Островский, Записка об авторских правах драматических писателей, Сб. «О театре», 1947, стр. 49).

Наиболее яркими исполнителями пьесы «Горячее сердце» до революции были: К. А. Варламов и К. Н. Рыбаков в роли Курослепова; О. О. Садовская – Матрена Харитоновна; В. Н. Давыдов, М. П. Садовский и А. П. Нелидов в роли Хлынова; П. М. Медведев, Кондрат Яковлев, О. А. Правдин и Ф. А. Парамонов в роли Градобоева; В. Н. Давыдов и А. А. Федотов в роли Силана.

По данным Общества драматических писателей, «Горячее сердце» с 1874 по 1886 год в Москве и Петербурге не ставилось, а в провинции прошло 30 раз. С 1887 по 1917 год эта пьеса ставилась 196 раз.

В 1893 году Александринский театр с большим успехом возобновил постановку «Горячего сердца».

«Я ушел из театра, – писал Ю. М. Юрьев, – положительно потрясенный. Что ни роль – то раскрытая книга человеческой жизни, и на этот раз исключительный, образцовый ансамбль. Санина, Варламов, Давыдов, Медведев, Шаповаленко – все вместе создавали большое полотно, внушительную картину „темного царства“, от которой положительно становилось страшно, жутко, так ярко они вкупе рисовали грубую силу самодурства, произвола и самоуправства. Нравы, обычаи и весь уклад жизни, как черная мрачная грозовая туча, надвигались на горячее сердце и душили всякую попытку пробиться через нее светлomu лучу каждого живого существа, рвущегося из пут жестокой действительности. Спектакль имел выдающийся успех. И поныне театральные старожилы вспоминают о нем, как об образцовом, как об одном из лучших спектаклей Александринского театра.

На премьере присутствовали и Чайковские.

В антракте, когда я стоял в проходе партера, Петр Ильич, проходя мимо меня, сказал мне: „Не правда ли, восхитительно? Как играют! А у Островского, что ни слово, то на вес золота!“ (Ю. Юрьев, Записки, 1948, стр. 278).

Комедия „Горячее сердце“, как и многие другие пьесы Островного, зазвучала со всей силой лишь на сцене советского театра, где ее идейное содержание и обличительная направленность впервые были убедительно и ярко раскрыты.

После Великой Октябрьской социалистической революции эту пьесу ставили многие столичные и периферийные театры. Но самой яркой и значительной явилась постановка Московского Художественного театра, осуществленная в 1926 году и с неослабевающим успехом идущая и сейчас.

Глубоко задуманная и любовно отделанная Островским пьеса нашла в Художественном театре великолепных исполнителей. В первоначальном составе роли исполняли: И. М. Москвин – Хлынова, Л. М. Тарханов – Градобоева, В. Ф. Грибунин – Курослепова, Б. Г. Добронравов – Наркиса, Н. П. Хмелев – Силана, Ф. В. Шевченко – Матрену, К. Н. Еланская – Парашу, Е. Я. Станицын – Васю Шустрого, Н. А. Подгорный – Аристарха, Е. А. Орлов – Гаврилу.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

Горячее сердце. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!